

АЛЬМАНАХ САМИЗДАТА

НЕПОДЦЕНЗУРНАЯ МЫСЛЬ В СССР

№ 2

1975

ANNALS OF SAMIZDAT

UNCENSORED THOUGHT IN THE U.S.S.R.

№ 2

1975

*Выпуск посвящается
Андрею Твердохлебову*

*This issue is dedicated to
Andrei Tverdokhlebov*

1975

АМСТЕРДАМ

ОНД ИМЕНИ ГЕРЦЕНА

АЛЬМАНАХ САМИЗДАТА

НЕПОДЦЕНЗУРНАЯ МЫСЛЬ В СССР

№ 2

1975

ANNALS OF SAMIZDAT

UNCENSORED THOUGHT IN THE U.S.S.R.

№ 2

1975

*Выпуск посвящается
Андрею Твердохлебову*

*This issue is dedicated to
Andrei Tverdokhlebov*

1975

АМСТЕРДАМ

ФОНД ИМЕНИ ГЕРЦЕНА

«Альманах самиздата» издается Фондом имени Герцена (Alexander Herzen Foundation, Amstel 268, Amsterdam, Holland).

Условия подписки 3 англ. фунта (7.50 долл. США) за 4 выпуска.

Всю корреспонденцию и заказы на подписку направлять по адресу:
Leonid Rigerman, 28 East End Road,
London, N3 3QT, United Kingdom.

Annals of Samizdat is published by the Alexander Herzen Foundation, Amstel 268, Amsterdam, Holland.

Subscription £3.00 (US\$ 7.50) for 4 issues.
All correspondence and subscriptions should be addressed to:
Leonid Rigerman, 28 East End Road,
London, N3 3QT, United Kingdom.

© Leonid Rigerman, 1975

*Printed in the United Kingdom
for Alexander Herzen Foundation
by Multilingual Printing Services,
200, Liverpool Road, London N1 1LF*

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

АЛЬМАНАХ САМИЗДАТА это периодический сборник материалов, являющихся выражением свободной общественной мысли в СССР. Из-за цензуры печати эти материалы не могут быть опубликованы в СССР и, как правило, распространяются там в машинописной форме, ставшей известной под названием «самиздат».

Под материалом самиздата понимается любой текст, свободный от государственной цензуры. Им может быть роман, эссе или научное исследование; им может быть неопубликованный закон или официальный документ, постановление или приговор суда; им может быть открытое письмо, публичное заявление или обращение; наконец, им может быть текст интервью, протокол собрания или обыска, или текст последнего слова.

Следуя установленной традиции Фонда имени Герцена, **АЛЬМАНАХ САМИЗДАТА** публикует материалы самиздата, имеющие публицистическую или документальную ценность, независимо от характера высказываемых взглядов, описываемого события или публикуемого документа. Также в соответствии с традицией Фонда имени Герцена **АЛЬМАНАХ САМИЗДАТА**, как правило, публикует только работы авторов живущих в СССР.

**ФОНД ИМЕНИ ГЕРЦЕНА
АМСТЕРДАМ 1975**

FROM THE PUBLISHER

ANNALS OF SAMIZDAT is a periodical collection of materials which are expressions of free thought and opinion in the U.S.S.R. These materials cannot be published in the U.S.S.R. because of censorship and usually are distributed there in a manuscript form which became known under the name *samizdat*.

The Russian word "*samizdat*", which means literally "published by oneself", came to represent any piece of writing free of government censorship. It may be a novel, an essay or a study; it may be an unpublished law, an unpublished official document or a court judgement; it may be an open letter, a public statement or an appeal; finally it may be a text of an interview, minutes of a meeting, record of an interrogation, search or seizure, or a last plea.

ANNALS OF SAMIZDAT publishes materials of literary or documentary value without espousing or endorsing the views and opinions expressed by its authors. In the tradition of the Alexander Herzen Foundation materials published in the *ANNALS OF SAMIZDAT* are in general the works of authors living in the U.S.S.R.

**ОПЫТ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИЛИ
ИСТОРИЯ АРЕСТА АНДРЕЯ ТВЕРДОХЛЕБОВА**

**A VENTURE IN CHARITABLE ACTIVITY
OR
HISTORY OF ANDREI TVERDOKHLEBOV'S ARREST**

АЛЬМАНАХ САМИЗДАТА

№ 2

1975

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
1. РАННИЙ ИНТЕРЕС К ПРОБЛЕМЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ	11
Заявление в Президиум Центрального Комитета Общества Красного Креста РСФСР с предложением о создании благотворительной комиссии	13
Ответ из Московского Городского Комитета Общества Красного Креста	15
2. КАК УЗНАТЬ «ЧТО МОЖНО, А ЧЕГО УЖЕ НЕЛЬЗЯ»	17
Письмо Главному редактору газеты «Вечерняя Москва»	19
Заявление об обыске 27-28 августа 1973 г. Приложение: Протокол обыска	20
3. НА ПУТИ К НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ РЕАЛИЗАЦИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ	24
Принципы «Группы-73»	29
Заявление Начальнику Финансового Управления Мосторисполкома	30
Отчет о беседе с инспекторами Куйбышевского рай- финотдела	31
Заявление В. Архангельского Совету учредителей «Группы-73»	32
Заявление А. Твердохлебова Совету учредителей «Группы-73».	35
Решение Совета учредителей «Группы-73»	36
Заявление Начальнику Днепропетровской Психиат- рической больницы	36
Заявление в Эмнисти Интернешнл	40

Из частного письма о проблеме благотворительности	40
Заявление об обыске 27-28 ноября 1974 г. Приложение: Протокол обыска	43
Открытое письмо Прокурору г. Москвы	57
Заявление в защиту Владимира Осипова	58
Заявление для печати о содержании Владимира Буковского	59
Заявление Генеральному Секретарю ЦК КПСС Брежневу	62
4. БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ЧУЖДА СОВЕТСКОМУ ОБЩЕСТВУ	63
Заявление Генеральному Прокурору СССР. Приложение: Протокол обыска 23 декабря 1974 г. . .	64
«Два обыска и четыре допроса»	72
Заявление Начальнику Отдела по надзору за следствием в органах государственной безопасности Прокуратуры СССР П. М. Салонину	97
Ответ из Прокуратуры СССР	100
Заявление Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному	101
Заключительные размышления	102
Заявление в Управление КГБ г. Владимира	106
5. ДЕЛО О ПИШУЩЕЙ МАШИНКЕ, КГБ И СОВЕТСКОМ ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ . .	107
Заявление в КГБ Литовской ССР	109
Ответ из КГБ Литовской ССР	109
Исковое заявление Н. Н. Крючкова	110
Решение Калининского районного народного суда . .	110
Кассационная жалоба	112
Определение Мосгорсуда	113
Заявление Н. Н. Крючкова Прокурору г. Москвы	114

Надзорная жалоба Председателю Мосгорсуда Л. Е. Алмазову	115
Ответ из Мосгорсуда	117
Заявление на материальную помощь Председателю ВЦСПС А. Шелепину	117
6. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В ЗАЩИТУ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ	119
Заявление Андрея Д. Сахарова	121
Заявление для печати Эмнисти Интернешнл	121
Заявление 10-и по поводу ареста Твердохлебова	124
Заявление прессе и радиостанциям Би-Би-Си, Немецкая Волна, Голос Америки, Свобода	125
Обращение к общественности западных стран	127
Заявление советской группы опеки Эмнисти Интернешнл Н. В. Подгорному	128

ANNALS OF SAMIZDAT

№ 2

1975

TABLE OF CONTENTS

Page

1. AN EARLY INTEREST IN THE PROBLEM OF CHARITY	11
Proposal to the Presidium of the Central Committee of the Red Cross Society of the Russian Republic for Creation of the Commission on Charity	13
Answer from the Moscow City Committee of the Red Cross Society	15
2. ON HOW TO FIND OUT "WHAT IS ALLOWED AND WHAT IS NOT"	17

Letter to the Chief Editor of "Vecherniaia Moskva" (Evening Moscow)	19
Statement on the Search of 27-28 August 1973. Appendix: A Record of Search	20
3. CHARITY IN ACTION	24
Charter of the Group-73	29
Application to the Head of the Finance Administration of the Moscow City Executive Committee . . .	30
Report on the Meeting with the Inspectors of the Kuibyshev District Finance Department	31
Letter of V. Arkhangel'sky to the Board of Founding Members of Group-73	32
Letter of A. Tverdokhlebov to the Board of Founding Members of Group-73	35
Resolution of the Board of Founding Members of Group-73	36
Letter to the Head of the Special Psychiatric Institution of Dnepropetrovsk	36
Application to Amnesty International	40
From a Private Letter on Charity	40
Statement on the Search of 27-28 November 1974. Appendix: A Record of Search	43
Open Letter to the Procurator of the City of Moscow	57
Public Statement of Support for Vladimir Osipov . .	58
Statement to the Press on the Treatment of Vladimir Bukovsky	59
Letter to L. Brezhnev, General Secretary of the Central Committee of the Communist Party	62
4. CHARITY IS FOREIGN TO THE SOVIET SOCIETY	63
Letter to the General Procurator of the U.S.S.R. Appendix: A Record of Search on 23 December 1974	64
Two Searches and Four Interrogations	72

Letter to P. M. Salonin, Head of the Department to Supervise Investigation by the Agencies of State Security, Office of the Procurator	97
Answer of P. M. Salonin	100
Letter to N. V. Podgorny, Chairman of the Presidium of the Supreme Soviet of the U.S.S.R.	101
Concluding Comments	102
Letter to Interrogator I. Chuprov, Administration of KGB of the City of Vladimir	107
5. ABOUT A TYPEWRITER, THE KGB AND LITIGATION IN SOVIET CIVIL LAW	107
Letter to the KGB of the Lithuanian Republic	109
Answer of the Lithuanian KGB	109
Statement of Claim of N. N. Kryuchkov	110
Judgement of the Kalininsky District People's Court	110
Appeal	112
Judgement of the Moscow City Court	113
Letter of N. N. Kryuchkov to the Procurator of the City of Moscow	114
Statement of Complaint to the Chairman of the Moscow City Court	115
Answer of the Moscow City Court	117
Application for Financial Assistance	117
6. PUBLIC OPINION IN SUPPORT OF ANDREI TVERDOKHLEBOV	119
Statement of A. D. Sakharov	121
Amnesty International News Release	121
Statement of 10	124
Statement for the Press	126
Appeal to the Public of the West	127
Statement of the Soviet Adoption Group of Amnesty International to N. Podgorny, Chairman of the Presidium of the Supreme Soviet of the U.S.S.R.	128

1. Ранний интерес к проблеме благотворительности

ЗАЯВЛЕНИЕ В ПРЕЗИДИУМ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА РСФСР

С ПРЕДЛОЖЕНИЕМ О СОЗДАНИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ

Заботы, которые привели меня к написанию этого заявления — нерадостного свойства, и характер их таков, что почти наверняка окажется, что я обращаюсь с ними не по адресу. И все же я решился написать вам, потому что было бы слишком самонадеянным с самого начала самолично и самочинно предпринимать какие-либо шаги, диктуемые проблемами, о которых — ниже. Кроме того, я надеюсь убедить вас в насущности этих забот, тем более, что принять участие в них — значит для вас приобрести несомненно высокую нравственную оценку в глазах многих.

Речь идет о культурной благотворительности, проводимой на общественных началах, которая раньше, в зависимости от характера и конкретных целей, называлась общественным призрением или попечительством. От милостыни, подаваемой тому, кто протягивает руку, культурная благотворительность отличается тем, что простирает свою помощь на тех, кто не в состоянии обеспечить себя и не делает из своей нужды промысла. Из этого различия вытекает необходимость в организационных рамках, и это требование заставило меня обратиться к вам.

Конкретно, речь идет о следующем. Мне известно о ряде семей, в которых кормильцы принудительным образом лишены возможности обеспечить тех, кто ранее находился на их иждивении. В тех семьях, с положением которых я знаком, кормильцы находятся в заключении, ссылке или на принудительном психиатри-

ческом лечении в силу приговора суда по обвинению по ст. ст. 190-й (1-3) и 70-й УК РСФСР или аналогичным статьям соответствующих союзных республик. Мне думается, что существует, хоть и небольшое, но достаточное количество альтруистов, которые могли бы оказывать посильную помощь этим семьям, если бы существовала авторитетная и заслуживающая их доверия комиссия по благотворительности. Ведь люди хотят быть уверенными, что их помощь распределяется в соответствии с их пожеланиями.

Материальная помощь нуждающимся и не делающим из своей нужды промысла всегда требует определенной деликатности даже от близких и родных, а с другой стороны, ясно, что оказывающие помощь хотели бы видеть ее непосредственный характер, без той степени отчуждения, возникающей, например, между отдельным членом Красного Креста, вносящим 20 копеек ежегодно, и помощью общества бедствующему населению других стран. Потребность в благотворительной комиссии, удовлетворяющей этим несколько противоречивым требованиям, для меня очевидна — она является необходимым звеном в действующих в обществе связях между людьми, которое может заполнить пробел между такими формами людской взаимопомощи как воспомоществование со стороны государства и со стороны друзей и близких. Такого рода связи все равно возникают, я хочу лишь привлечь внимание вашей организации к этим волнующим меня вопросам. Мне кажется это уместным, поскольку ведь и ваше общество возникло по благотворительной инициативе частных лиц. Даже поверхностное знакомство с историей благотворительных обществ убеждает в неизбежности и необходимости подобного рода проявлений альтруизма и гуманистичности граждан, в особенности потому, что в России благотворительные общества, созданные по частной инициативе, удивительно быстро преобразовались в фактически управляемые и финанси-

руемые государством ведомства, либо приходили в упадок и существование их становилось чисто символическим. (В качестве примера можно привести: Общество попечительства о тюрьмах; народовольческий, а затем социал-демократический «Красный Крест»; систему попечительства о бедных; Комитет Екатерины Пешковой.).

Если мое обращение к вам не напрасно, и вы сочтете, в принципе, желательным покровительствовать подобного рода благотворительной комиссии (а Устав Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца — ст. 1, пункты м) и с) — допускают такую возможность), я готов предоставить вашему вниманию конкретный проект и обсудить его с вами, имея в виду выработку обоюдоприемлемых основ.

Прошу ответить мне по адресу: Москва, К-64, ул. Чкалова, дом 14/16, кв. 76.

6 июня 1971 г.

А. Твердохлебов

ОТВЕТ ИЗ МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА

РСФСР

**МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ КОМИТЕТ ОБЩЕСТВА
КРАСНОГО КРЕСТА**

Москва, Метростроевская 31

Телефон: 203-13-98

№ 236

Зак. 587

Москва, 19 июля 1971 г.

**Москва, К-64, ул. Чкалова,
14/16, кв. 76, Твердохлебову**

Уважаемый тов. ТВЕРДОХЛЕБОВ!

Мосгорком Красного Креста получил и рассмотрел Ваше письмо.

Сообщаем Вам, что делами по обеспечению одиноких

больных и нетрудоспособных занимаются городские и районные отделы социального обеспечения.

При Московском городском и районном комитетах Общества Красного Креста работает бюро патронажных медицинских сестер, посредством которых осуществляется медицинский уход за одинокими больными (из числа инвалидов Отечественной войны, инвалидов труда, членов семей погибших на войне).

Многочисленные активисты Красного Креста на добровольных началах помогают патронажным медицинским сестрам в решении бытовых вопросов, в деле организации питания, ухода, доставки лекарств и т. д.

Первичные организации ОБЩЕСТВА Красного Креста, объектов народного хозяйства, учреждений шефствуют над нетрудоспособными, инвалидами Отечественной войны и труда.

Основа всей деятельности Общества Красного Креста — это высокий гуманизм и человеколюбие.

Передовые люди царской России оказывали материальную помощь семьям борцов, осужденных за дело революции. В Вашем письме идет речь о гражданах, осужденных по уголовному кодексу СССР, на членов семей которых распространяется советское законодательство, предусматривающее материальное обеспечение нетрудоспособных, одиноких людей. В нашей стране имеются дома для инвалидов и престарелых.

Председатель Мосгоркома Кр. Кр.

Л. Молчанова

**2. Как узнать что можно,
а чего уже нельзя**

ПИСЬМО ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА».¹⁾

В прошедшем году в Москве было арестовано необычно много лиц с обвинением по статье 70 УК РСФСР. Статья эта особенная — «антисоветская агитация и пропаганда», в диспозиции ее существенна субъективная сторона деяния — наличие умысла, а именно того, что обвиняемый действовал «в целях подрыва или ослабления Советской власти, либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений». Значительное число обвиняемых и указанная особенность, в совокупности, настоятельно требуют, по моему разумению, соответственно широкого и подробного освещения всех обстоятельств, имеющих отношение к печальной статистике преследований по 70-й статье.

Я обращаюсь с этим ходатайством, прежде всего имея в виду тех, кто считает своим неотъемлемым правом искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ, не желая преступать при этом границы ныне дозволяемого властью. Знать, «что можно, а чего уже нельзя», для них и их семей жизненно необходимо.

Я полагаюсь также на Вашу сопричастность к властям. Ведь, если я не ошибаюсь, Ваша газета не является оппозиционной, и Вы, должно быть, заботитесь о том, чтобы действия следствия и суда не вызывали в публике нежелательных толков и пересудов. Один необычный политический процесс над одним обвиняемым всегда порождает массу сомневающихся в его законности, справедливости или необходимости. Когда же число таких обвиняемых насчитывает десятки, то сомневающихся становится существенно меньше. Если же

1) Приложение и Замечания Твердохлебова к этому письму здесь не публикуются. См «Андрей Твердохлебов в Защиту Прав Человека», «Хроника», 1975.

таких обвиняемых будет сотни и более, то сомнений уж ни у кого не возникает. Дело только за прессой.

Указывая на это обстоятельство, считаю необходимым отметить, что я не принадлежу к тем, в чьих глазах авторитет власти будет укрепляться по мере возрастания числа репрессий, проводимых в целях утверждения или усиления Советской власти, либо свершения отдельных особо насущных интересов государства. И не хочу создавать впечатления, что в своем ходатайстве я рассчитываю на то, что Ваша личная позиция в этом вопросе иная, нежели моя. Но Ваш ответственный пост требует, так или иначе, принять во внимание указанное обстоятельство.

Надеясь, что и мои личные усилия помогут в реализации возникшего интереса,
примите и прочее,

А. Твердохлебов

10 января 1973 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ ОБ ОБЫСКЕ 27-28 АВГУСТА 1973 Г.

В ночь с 27 по 28 августа у меня на квартире сотрудниками КГБ был произведен обыск по делу № 24.

Поскольку,

еще не ясно будет ли расширяться и поощряться культурный и информационный обмен, в том числе в области права и проблем прав человека,

уже ясно, что предположение о бесконечно длящемся деле № 24 является достаточно хорошим приближением, прекрасно работающим на практике,

полагаю правильным сделать заявление о том, что

помимо всевозможных самиздатовских правовых документов и копий документов, а также оригинальных статей и информационных материалов по

проблеме прав человека в Советском Союзе, помимо самиздатовских сборников статей и документов юридической практики, в том числе сборников «Общественные проблемы» и «Международная амнистия», помимо хранившихся у меня части архива Комитета прав человека — всего не на одну тысячу листов машинописного и рукописного текстов,

у меня были изъяты:

9 книг на иностранных языках зарубежных изданий, 38 брошюр на иностранных языках, отпечатанных типографским способом, зарубежными издательствами, 8 иностранных журналов — фактически вся имевшаяся у меня правовая литература, в том числе ООН-овские сборники конвенций, номера хроники ООН, журнал *Хьюман Райтс* под редакцией Рене Касена и Карла Васака,

журналы и сборники других известных правовых, международных организаций, в том числе специальный ООН-овский сборник 1968 года «Год Прав Человека», в котором, между прочим помещена жемчужина достижений Советского Союза в области прав человека — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 года «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан».

4 сентября 1973 г.

А. Твердохлебов

ПРИЛОЖЕНИЕ: ПРОТОКОЛ ОБЫСКА

Город Москва, 27 августа 1973 года.

Следователь Следственного отдела КГБ при Совете Министров СССР старший лейтенант Губинский совместно со следователем След. отдела КГБ при Совете

Министров СССР по запорожской области старшим лейтенантом Грязиным с участием сотрудника КГБ при Совете Министров СССР капитана Шевчук в присутствии Твердохлебова Андрея Николаевича, понятых [...] ¹⁾ на основании постановления о производстве обыска от 27 августа 1973 года, руководствуясь требованиями статей 169-171, 176 и 177 УПК РСФСР [...] ¹⁾ [произвели обыск] у Авердохлебова А. Н., проживающего по адресу [...]. Обыск начат в 18 ч. 45 м.

Предусмотренное статьей 169 УПК РСФСР право присутствовать при всех действиях следователя и делать заявления, подлежащие занесению в протокол присутствующим при обыске разъяснено. С содержанием статьи 169 УПК РСФСР они ознакомлены.

[место для подписи Твердохлебова]

[подписи понятых]

Предусмотренная статьей 135 УПК РСФСР обязанность понятых удостоверить факт, содержание и результаты обыска разъяснена.

[подписи].

Перед началом обыска в соответствии с требованием статьи 170 УПК РСФСР Твердохлебову А. Н. предъявлено Постановление о производстве обыска от 27 августа 1973 года и предложено выдать антисоветскую литературу и иные предметы и документы, имеющие значение для дела. Твердохлебов заявил, что у него в квартире имеется различная литература, которая не издается в Советском Союзе, но выдать ее отказался, ²⁾ в связи с чем в его квартире был произведен обыск. В результате обыска обнаружено и изъято:

1) Пропуск в полученном тексте.

2) В действительности Твердохлебов спросил следователя, что он называет антисоветской литературой. Следователь ответил, что антисоветской литературой является, например, литература изданная за рубежом. Твердохлебов на это ответил, что у него много всякой литературы изданной за рубежом и высказал сомнение в том, что вся такая литература является антисоветской. Он привел примеры изданной за рубежом литературы, которая не является антисоветской (издания ООН, например).

1. Машинописная копия сборника «Хроника текущих событий», выпуск № 14, 30 июня 1970 года, на 18-и листах тонкой папиросной бумаги.

2. Машинописная копия сборника «Хроника текущих событий», выпуск № 16 [дата выпуска не указана], на 27-и листах тонкой папиросной бумаги.

3. Машинописная копия сборника «Хроника текущих событий», выпуск № 17, 31 декабря 1970 года, на 59 листах тонкой папиросной бумаги.

4. Приложение к «Хронике текущих событий» № 17, на 12-и листах тонкой папиросной бумаги.

5. Машинописная копия сборника «Хроника текущих событий», выпуск № 18, 5 марта 1971 года, на 21-ом листе тонкой папиросной бумаги.

6. Машинописная копия сборника «Хроника текущих событий», выпуск № 27, 15 октября 1972 года, на 25-и листах тонкой папиросной бумаги.

7. Машинописная подборка материалов судебного процесса по делу Буковского, на 51 листе стандартной белой бумаги.

8. Машинописная копия интервью А. Д. Сахарова Шведскому телевидению, на 8 листах тонкой папиросной бумаги.

9. Машинописная копия сборника «Международная амнистия», Москва, январь 1973 года, с указанием составителей: А. Твердохлебов и В. Архангельский, всего 4 экземпляра, из которых один экземпляр на 38 листах, три других — на 19 листах каждый.

10. Машинописный сборник «Международная амнистия», Москва, март 1973 года, один экземпляр на 80 листах, 2-й экземпляр — на 60 листах. 16 страниц, названных в описи, из которых 1-я страница на 2-х листах, 2-я — на 8 листах, 3-я — на 8 листах, 4-я — на 9 листах, 5-я, 6-я и 7-я — на 9 листах, 8-я — на 8 листах, 9-я по 13-ую — на 9 листах, 14-я по 16-ую — на 9 листах.

11. Машинописный сборник «Международная амнистия», выпуск 3, 1973 год, в 5 экземплярах, из которых один на 61 листе, 4 других на 9 листах каждый.

12. Отпечатанный типографским способом сборник под названием «Хроника защиты прав в СССР», выпуск 1, ноябрь 1972 года — март 1973 года, изданный издательством «Хроника», Нью-Йорк, 1973 год, желтого цвета, в плотной бумажной обложке. В сборнике пронумеровано 80 страниц. Описанные в пунктах 1 по 12 документы, вложены в пакет и опечатаны печатью УКГБ при Совете Министров СССР.

13. Амбарная книга с регистрацией входящей корреспонденции и конверт с вложениями на имя Твердохлебова, из Голландии — 36, из США — 9. Один конверт с вложением на имя [...]¹)

Амбарная книга и вся вышеупомянутая корреспонденция вложены в пакет и опечатаны печатью УКГБ при Совете Министров...

14. Отпечатанная типографским способом повесть под названием «Документы Комитета прав человека» на русском языке, изданная в 1972 году, голубого цвета в плотной бумажной обложке. В сборнике пронумерованы 252 страницы.

15. Типографским способом исполненная листовка «В защиту Буковского» на одном листе, размером 10,5 см на 14 см. Текст начинается со слов «Граждане, 10 декабря День прав человека...», заканчивается на обратной стороне словами «...Фламандский Комитет Солидарности с Восточной Европой, Антверпен». На этой же стороне листовки в левом верхнем углу помещен портрет Буковского.

16. 9 книг на иностранных языках зарубежных изданий.

17. 38 брошюр на иностранных языках, отпечатанных типографским способом зарубежными издательствами.

18. Три книги «Новый завет» на русском языке издания Библейского общества в Лондоне.

19. 6 библий на русском языке, издательства «Библейского общества».

20. Три пакета с вырезками из иностранных газет.

21. 51 фотография различных лиц.

22. 8 иностранных журналов.

23. Фотокопия части книги на иностранном языке на 28 листах.

24. Различные записи, исполненные от руки красителями различного цвета на триста двух листах и обрывках.

25. Машинописные тексты (первые экземпляры и копии), сброшюрованные в 16 отдельных подшивках.

26. Различные машинописные тексты на двухстах двадцати двух листах (222).

27. Папка-скоросшиватель, в которой подшито 8 (восемь) выпусков сборника отпечатанного машинописного текста под названием «Общественные проблемы» и 11 (одиннадцать) различных выпусков названного сборника.

28. Три папки для бумаг с различными машинописными и рукописными текстами.

29. Шесть фотопленок.

30. Две записные алфавитные книжки и календарь-еженедельник с записями различных имен, адресов и номеров телефонов.

31. Транзисторный касетный магнитофон японской фирмы «Сони», ТС-120 с заводским номером 29495 в дермантиновом чехле черного цвета.

32. Три магнитофонных кассеты от вышеупомянутого магнитофона.

33. Пишущая машинка «Эрика», модели 40, заводской номер 4169970 с русским шрифтом в дермантиновом чехле серого цвета в исправном состоянии.

Перечисленные в пунктах 16-30, 32 предметы и документы вложены в мешок и опечатаны печатью УКГБ при Совете Министров СССР, номер 661.

В процессе обыска на квартиру Твердохлебова в разное время пришли [. . .]¹⁾.

Предметы и документы, перечисленные в настоящем протоколе, изъяты для представления в Следственный отдел КГБ при Совете Министров СССР.

Обыск окончен в 3 часа 30 минут 28 августа 1973 года.

Протокол обыска следователем прочитан вслух. Записано правильно. Замечаний по поводу обыска и содержания протокола не поступало.

[Место для подписи Твердохлебова.]

[Подписи понятых.]

[Подпись] *Шевчук*.

Обыск произвели и протокол составили Следователь Спец. отдела КГБ при Совете Министров старший лейтенант — [подпись] — *Губинский*. Следователь Спец. отдела КГБ при Совете Министров УССР по запорожской области старший лейтенант — [подпись] — *Грязин*.

Экземпляр Протокола обыска получил 28 августа 1973 года [место для подписи Твердохлебова]. К протоколу обыска приобщено заявление Твердохлебова А. Н.

ЗАЯВЛЕНИЕ К ПРОТОКОЛУ ОБЫСКА ОТ 27 АВГУСТА 1973 ГОДА.

Протокол обыска и отдельные моменты его ведения требуют сделать несколько замечаний. Однако ввиду позднего времени окончания обыска я намерен их сформулировать позднее. Это замечание я собираюсь внести в протокол обыска, если мне это будет физически дозволено.

28 августа 1973 года, 4 часа 12 минут.

Твердохлебов

1) Пропуск в полученном тексте.

3. На пути к непосредственной реализации благотворительности

ПРИНЦИПЫ «ГРУППЫ-73»

ОТМЕЧАЯ, что развитие культурных форм помощи тем, кто потерпел неудачу и претерпел страдание на пути реализации общепризнанных прав человека является необходимым условием прогресса всей проблемы прав человека в целом,

ПРИДЕРЖИВАЯСЯ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, что общество имеет моральное обязательство перед семьями тех, кто принудительным со стороны общества образом лишен возможности обеспечивать свою семью, что эти моральные обязательства требуют разрешения во вне-государственной культурной благотворительности,

ПРИНИМАЯ ВО ВНИМАНИЕ межнациональный опыт помощи заключенным и их семьям и в особенности, учитывая опыт *Эмнисти Интернешнл*, ставящей своей целью помощь узникам совести и политзаключенным, В. Я. АЛЬБРЕХТ, В. В. АРХАНГЕЛЬСКИЙ, И. А. КОРНЕЕВ, А. Н. ТВЕРДОХЛЕБОВ

РЕШИЛИ совместно продолжить деятельность по изысканию и обсуждению культурных форм и средств помощи лицам, указанным в преамбуле в качестве коллективного лица под условным названием «ГРУППА-73», приняв на себя в этом качестве следующие принципы:

1. Целями деятельности Группы являются:

- а) изыскание и обсуждение культурных форм и средств помощи лицам, осужденным или подвергшимся иной репрессии вследствие реализации общепризнанных прав и свобод;
- б) консультативное содействие заинтересованным лицам в пределах компетенции Группы.

2. Деятельность Группы строится в соответствии с законами Государства и настоящими принципами.

3. ГРУППА-73 является неправительственной, неполитической ассоциацией.

4. При изучении и обсуждении проблем помощи лицам, указанным в пункте 1а, а также в отношении реализации такой помощи Группа не рассматривает аргументы, исходящие из политических или исключительно расовых, национальных, классовых и религиозных или идеологических интересов кого бы то ни было.

5. Группа допускает возможность творческих контактов с международными, неправительственными, правовыми ассоциациями, если они в своей деятельности исходят из принципов Объединенных Наций и не ставят своей целью нанесение ущерба Советскому Союзу.

1 сентября 1973 г.

[подписи]

ЗАЯВЛЕНИЕ НАЧАЛЬНИКУ ФИНАНСОВОГО УПРАВЛЕНИЯ МОСГОРСОВЕТА

В порядке осуществления надзора за финансовой дисциплиной подведомственных Вам организаций просьба зарегистрировать «ГРУППУ-73», учрежденную в городе Москве 1 сентября сего года, благотворительное общество, деятельность которого, предположительно сопряжена с финансовыми операциями. Необходимость проведения финансовых операций через отделения Госбанка СССР может быть промульжирована дополнительно.

1 сентября 1973 года.

Владимир Владимирович Архангельский,
Москва, Б-13, Потонный проезд, 12, кв. 14

ПРИЛОЖЕНИЕ: Принципы «ГРУППЫ-73»

ОТЧЕТ О БЕСЕДЕ С ИНСПЕКТОРАМИ КУЙБЫШЕВСКОГО РАЙФИНОТДЕЛА

3-го октября сего года ко мне на дом пришли два инспектора Куйбышевского райфинотдела г. Москвы, ГЛАШЕНКО, Клавдия Ивановна и КАЦ, Михаил Матвеевич, — так следовало из предъявленных ими удостоверений. Они были направлены ко мне Зав. отделом Куйбышевского райфинотдела [...]¹⁾, для уточнения обстоятельств, о которых я писал 1 сентября Начальнику Финансового Отдела Мосгорсовета.

Мне было задано несколько вопросов.

1. Где мы (учредители Группы) работаем?

Я ответил, что все мы работаем на различных предприятиях, но где именно я могу сообщить только свой адрес, так как других не знаю.

2. В чем заключаются предполагаемые нами финансовые операции?

Ответ. Можно ожидать поступления в адрес Группы добровольных пожертвований в пользу политзаключенных. Получение этих пожертвований, их распределение составляет на мой взгляд существо предполагаемых финансовых операций.

3. Каков принцип распределения этих пожертвований?

Ответ. Он еще не сформулирован.

4. Предусматриваются ли [меры против] возможных злоупотреблений?

Ответ. В этом мы полагаемся на помощь Горфинотдела.

5. Приняла бы Группа предложение Финотдела открыть лицевой счет в Госбанке?

Ответ. Думаю, что да.

6. Кто руководит или председательствует в Группе?

Ответ. Временно руководящие функции выполняет Совет Учредителей.

1) Фамилия Зав. отделом в полученном тексте не приводится.

7. Какова история возникновения Группы, какое отношение имеет группа к *Эмнисти Интернешнл*? Не перейдет ли деятельность Группы в политическую демонстрацию?

В ответ я предложил ознакомиться еще раз с Принципами Группы.

В заключение беседы, которая продолжалась около часа, мне было заявлено, что ответ на мое письмо я получу после того, как о результатах нашей беседы станет известно руководству Горфинотдела.

3 октября 1973 года.

В. В. Архангельский

ЗАЯВЛЕНИЕ В. АРХАНГЕЛЬСКОГО СОВЕТУ УЧРЕДИТЕЛЕЙ «ГРУППЫ-73»

Прошло два месяца со времени учреждения «ГРУППЫ-73», время слишком малое для подведения каких-либо итогов, но достаточное для возбуждения некоторых привычных реакций со стороны заинтересованных лиц. Административно-правовой аспект деятельности Группы, который преимущественно занимал меня, отчасти по договоренности с Советом учредителей, имел целью способствовать, во-первых проявлению этих реакций и во-вторых, выявлению богатства возможностей взаимодействия с некоторыми организациями.

А. *Проблема государственной регистрации.* Повидимому это один из самых сложных и спорных вопросов. В письме (от 10 сентября 1973 года за № 002) Председателю Мосгорисполкома содержалась просьба «зарегистрировать». Письмо осталось без ответа. Вторичное напоминание (от 18 октября 1973 г. за № 009) содержало просьбу «зарегистрировать ГРУППУ-73». Отличие этих выражений быть может неуловимо, но во втором заявлении есть требование о совершении юридического акта — регистрации общественной организации, тогда как в первом это требование можно не усмотреть. Остается

открытым вопрос о необходимости такой регистрации.

Б. Проблема открытия финансово-лицевого счета Группы. Эта проблема более определенно стоит перед Группой (открытие лицевого счета повидимому необходимо в условиях признания общественной организации юридическим лицом) и со стороны финансовых органов в этом направлении сделан встречный шаг (см письмо Совету учредителей от 3 октября 1973 г. за № 008).

В. Проблема гласности. Попытка использовать возможности АПН не удалась.

Г. Проблема типографских изданий трудов Группы. Проблема вошла в экстенсивное русло.

Д. О других контактах. Союз Обществ Красного Креста, Прокуратура города Москвы, ЦСУ, Инюрколлегия получили уведомления о характере интересов Группы.

Е. Ниже приведен перечень писем, направленных в различные организации за период сентябрь — октябрь 1973 года:

от 10 сентября 1973 года, № 001 — Прокурору города Москвы с приложением Принципов ГРУППЫ-73;

от 10 сентября 1973 года, № 002 — Председателю Мосгорисполкома с приложением Принципов ГРУППЫ-73;

от 10 сентября 1973 года, № 003 — Директору АПН, с приложением Принципов ГРУППЫ-73;

от 10 сентября 1973 года, № 004 — Союзу Обществ Красного Креста с приложением Принципов ГРУППЫ-73;

от 10 сентября 1973 года, № 005 — Директору 1-ой образцовой типографии имени Жданова с приложением Принципов ГРУППЫ-73;

от 25 сентября 1973 года, № 006 — Начальнику Финансового управления Мосгорисполкома с приложением Принципов ГРУППЫ-73;

от 25 сентября 1973 года, № 007 — Директору ЦСУ с приложением Принципов ГРУППЫ-73;

- от 3 октября 1973 года, № 008 — Совету учредителей ГРУППЫ-73;
- от 18 октября 1973 года, № 009 — Председателю Мосгорисполкома, вторично, с приложением Принципов ГРУППЫ-73;
- от 18 октября 1973 года, № 010 — Директору АПН, вторично с приложением Принципов ГРУППЫ-73;
- от 18 октября 1973 года, № 011 — Директору 1-ой образцовой типографии имени Жданова, вторично с приложением Принципов ГРУППЫ-73;
- от 18 октября 1973 года, № 012 — Председателю Инюрколлегии с приложением Принципов ГРУППЫ-73;
- от 24 октября 1973 года, № 013 — Директору Типографии № 1 Росглавполитграфпрома с приложением Принципов ГРУППЫ-73;
- от 24 октября 1973 года, № 014 — Директору Типографии № 2 Союзполиграфпрома с приложением Принципов ГРУППЫ-73;
- от 24 октября 1973 года, № 015 — Директору Типографии № 4 Союзполиграфпрома с приложением Принципов ГРУППЫ-73;
- от 24 октября 1973 года, № 016 — Директору Типографии № 5 Союзполиграфпрома с приложением Принципов ГРУППЫ-73;
- от 24 октября 1973 года, № 017 — Директору Типографии № 6 Союзполиграфпрома с приложением Принципов ГРУППЫ-73;
- от 24 октября 1973 года, № 018 — Директору Типографии № 7 Союзполиграфпрома с приложением Принципов ГРУППЫ-73;
- от 24 октября 1973 года, № 019 — Директору Типографии № 4 Мосторисполкома с приложением Принципов ГРУППЫ-73;
- от 24 октября 1973 года, № 020 — Директору Типографии № 1 Профиздата с приложением Принципов ГРУППЫ-73;

- от 24 октября 1973 года, № 021 — Директору Типографии Министерства социального обеспечения РСФСР с приложением Принципов ГРУППЫ-73;
- от 24 октября 1973 года, № 022 — Директору Типографии Министерства культуры СССР с приложением Принципов ГРУППЫ-73;
- от 24 октября 1973 года, № 023 — Начальнику Финансового управления Мосгорисполкома, вторично, с приложением Принципов ГРУППЫ-73;
- от 24 октября 1973 года, № 024 — Директору ЦСУ, вторично, с приложением Принципов ГРУППЫ-73¹⁾.

№ 025

2 ноября 1973 года

В. В. Архангельский

ЗАЯВЛЕНИЕ А. ТВЕРДОХЛЕБОВА СОВЕТУ УЧРЕДИТЕЛЕЙ «ГРУППЫ-73»

Заявление В. Архангельского от 2 ноября 1973 года и документы, о которых идет речь в этом заявлении, свидетельствуют о том, что проблема интегрирования ГРУППЫ-73 системой советских административных и общественных организаций оказалась более сложной нежели это могло представляться в отношении нашей

1) — Письмо в ЦСУ содержало запрос о том, ведется ли учет политических заключенных и если ведется, то можно ли с ним ознакомиться. Письмо в Инюрколлегия по поводу возможности помощи политзаключенным за границей.

Письмо в АПН с просьбой передать надлежащей огласке факт создания ГРУППЫ-73.

Письмо Прокурору города Москвы следующего содержания: «Пологаем правильным сообщить Вам об этом [о создании Группы]. Приказы инструкции, решения и постановления, а также другие акты, публикуемые Группой, могут быть затребованы Вами в соответствии с законом».

Письмо в Союз Обществ Красного Креста с сообщением о создании Группы и с просьбой отзывы и пожелания направлять по адресу Группы.

Письмо Председателю Мосгорисполкома с сообщением о создании Группы и с просьбой зарегистрировать. В письме также сообщается, что необходимые сведения могут быть получены по адресу Группы.

Письмо в типографию с просьбой отпечатать типографским способом на первое время тысячу экземпляров Принципов ГРУППЫ-73.

Группы, не претендующей на массовость и ставящей общепризнанные и существенно-ограниченные цели.

Мне представляется необходимым изучить в ближайшее время проблему непосредственной реализации благотворительной помощи — предположительно одного из существенных аспектов будущей деятельности ГРУППЫ-73, — в особенности, но не исключительно, в условиях отсутствия каких либо полезных контактов с существующей системой административных и общественных учреждений.

3 ноября 1973 года.

А. Н. Твердохлебов

РЕШЕНИЕ СОВЕТА УЧРЕДИТЕЛЕЙ ГРУППЫ-73

Совет учредителей, изучив заявление В. Архангельского и А. Твердохлебова от 2 и 3 ноября с. г. соответственно, ожидает,

что В. Архангельский продолжит свои усилия в изучении административно-правового аспекта деятельности Группы и полноты и богатства открывающихся перед Группой благотворных контактов с административными и общественными организациями,

и что через приемлемый срок может заслушать доклад А. Твердохлебова по указанной в его заявлении теме.

3 ноября 1973 года

*В. Альбрехт
В. Архангельский
И. Корнеев
А. Твердохлебов*

ЗАЯВЛЕНИЕ НАЧАЛЬНИКУ ДНЕПРОПЕТРОВСКОЙ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЫ СПЕЦИАЛЬНОГО ТИПА

Я ранее слышал кое-что о вверенной Вам больнице и должен сказать, что в доходивших до меня слухах ни-

чего кроме порочащего советскую медицину и психиатрию не было. Более того Ваша Больница пользуется наиболее дурной славой среди подобных ей учреждений. К сожалению сейчас мне довелось узнать нечто более конкретное о пребывании в Вашей больнице Леонида Плюща и вот что.

1. Не позднее 19 октября 1973 года Плюща перевели в палату № 9, где его стали *лечить* не в связи с ухудшением его здоровья, а, повидимому с целью искоренить изысканные у него экспертизой социально опасные душевные отклонения от нормы.

Во-первых, это неправильно, потому что не по закону. Статья 13 УК УССР «Принудительные меры медицинского характера» говорит, что судом может быть применено *принудительное лечение в психиатрической больнице общего типа или помещение в психиатрическую больницу специального типа*. Это различие не случайно и разумно. В больнице общего типа главным лицом является врач, а в специального типа сотрудник МВД вроде Вас. И закон считал невозможным допустить *принудительное лечение* там, где главным лицом является не врач, а тюремщик. Как это различие выглядит на практике сказано в следующем пункте. Ясно, что ответственность за нарушение закона ложится целиком на Вас. Ведь вначале, по прибытии Плюща не лечили.

Во-вторых, это ужасно, потому что после перевода в палату № 9 и *лечения* Плющу стало совсем плохо: говорит с трудом, судорожно глотает слюну, попросил прервать свидание с женой раньше окончания положенного времени. На предыдущем свидании *до лечения* ничего подобного не было. Жене это второе свидание дали не сразу 19 октября, когда она приехала с сыном в Днепропетровск, а лишь 22 октября, сославшись на то, что в палате № 9, куда был переведен Л. Плющ, у его соседа по койке нашли острое инфекционное заболевание. «Попробуйте зайти в понедельник, может быть к тому времени картина прояснится». А как себя чув-

ствовал Плющ до 21 октября и что должно было выясниться для разрешения свидания можно только догадываться. Там он на свидании предупредил жену, чтобы она не волновалась, если от него не будет писем. Он чувствует себя так плохо, что физически не может писать; пробовал, но не смог продолжать. По настоятельной просьбе жены обещал отсылать письма, хотя бы из одной строчки. Чем же его лечат? Лечащий врач Лидия Алексеевна отказалась отвечать жене, «За чем Вам это знать, что надо, то и даем». Фамилию свою она также отказалась назвать. А в отношении болезни Плюща сказала следующее: «Пока я еще не обнаружила у него «философской интоксикации». Однако у больного отмечается склонность к «математизации психологии и медицины». Я врач и понимаю, что математика не имеет никакого отношения к медицине». Может быть Лидия Алексеева решила внести свое слово в психиатрию и скоро будет защищать диссертацию на основе исследований над Плющем. Или же она просто говорит первое, что приходит ей в голову, лишь бы отделаться от естественных и законных вопросов его жены.

2. Родственников пациентов встречает распоряжающийся всем человек в форме МВД и называющий себя Начальником по режиму. Он заявляет, что хозяин он и режим для каждого, в том числе количество и ассортимент продуктов передачи он определяет в соответствии со статьями обвинения и видом лагеря прежнего содержания пациента, «у нас здесь тюрьма, Плющ то у нас по 62-ой статье, так что Вы хотите?» У Вас действительно тюрьма. В палате-камере № 9 находятся 26 человек и находятся они там безвыходно. Выводят только раз в день на часовую прогулку и три раза в день «на оправку». Санитарами и в обслуте работают заключенные. Родственникам разрешено передавать не более одной продовольственной передачи в две недели, а вес каждой передачи не должен превышать пяти

килограмм, а кроме того в каждой передаче могут быть только разрешенные к передаче продукты в разрешенном количестве: Масло — 0.4 кг., сахар — 0.5 кг., варенье — 0.5 кг., фрукты — до 1 кг., овощи — до 1 кг., сыр — до 0.5 кг., яйцо — 10 шт., мед — 0.5 кг., хлеб — 0.5 кг.; лук, чеснок — 0.5 кг., молоко — 1.5л., колбаса — 0.15 кг. Последнее, количество молока и колбасы, — невероятно мало. Однако таковы условия содержания в Вашей тюрьме. Можно ли в таких условиях *лечить* помещенных к Вам лиц? Какие административные средства Вы применяете к подчиненным Вам врачам, чтобы они не отказывались лечить пациентов в таких условиях?

3. Отмена или изменение принудительного помещения Плюща в Ваше учреждение в соответствии со статьей 422 УПК УССР производится на основе представления администрации учреждения. Основанием же для применения принудительных мер медицинского характера является социальная опасность характера обнаруженного заболевания. Имеется ли у Вас специалист социолог, чье мнение о социальной опасности заболевания является решающим, или же вопрос о социальной опасности «философской интоксикации» и «математизации психологии и медицины» будет решаться все той же Лидией Алексеевной. Подчеркну, что сейчас считается признанной роль социального работника в деятельности служб охраны психического здоровья (см. журнал Хроника ВОЗ¹⁾, том 27, № 9, сентябрь 1973 года, стр. 428, Отчет о деятельности рабочей группы, созданной Европейским региональным бюро ВОЗ совместно с правительством Франции, Ница, 4-7 сентября 1972 года).

Я хотел бы получить от Вас ответ на все содержащиеся в этом письме вопросы, за исключением одного: «За чем нам это знать?» Это не мой вопрос, а Лидии Алексеевны.

28 октября 1973 г.

А. Твердохлебов

1) Всемирная Организация Здравоохранения.

ЗАЯВЛЕНИЕ В ЭМНИСТИ ИНТЕРНЕШНЛ

Просим зарегистрировать учреждаемую нами ассоциацию¹⁾ в качестве национальной секции Международной Амнистии. Принятый нами проект статута прилагаем. В качестве предусмотренных статутом членов исполнительной группы избраны: В. Ф. ТУРЧИН — председатель, А. Н. ТВЕРДОХЛЕБОВ — секретарь, В. Я. АЛЬБРЕХТ, Н. Н. БЕЛООЗЕРОВ.

6 октября 1973 г.

подписи: В. Я. Альбрехт,
В. В. Архангельский, инженер,
Н. Н. Белоозеров, физик,
С. А. Желудков, священник,
С. А. Ковалев, биолог,
И. А. Корнеев,
Б. Л. Ланда, психолог,
Ю. Ф. Орлов, физик, профессор, чл. корр.
АН Арм. ССР,
Э. С. Орловский,
А. Н. Твердохлебов,
В. Ф. Турчин, др. физико-мат. наук.

ИЗ ЧАСТНОГО ПИСЬМА О ПРОБЛЕМЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ . . .

Здравствуйте . . . ,

Должно быть Вам не безызвестно, что меня интересует проблема благотворительности и, в особенности, но не исключительно, проблема гласной благотворительности в отношении лиц, репрессированных вследствие реализации ими общепризнанных прав человека. Поэтому я особенно бываю рад, когда сталкиваюсь с подобным же интересом со стороны других лиц (физических или юридических).

1) Группа была признана Исполнительным Комитетом Эмнисти Интернешнл в качестве Группы опеки в сентябре 1974 года.

Казалось бы этим вопросом могли бы заинтересоваться финансовые органы власти. Но они, как оказалось после попыток завязать с ними диалог на эту тему,¹⁾ наотрез отказываются быть причастным к проблеме благотворительности. Но может быть, коль скоро эта благотворительность связана с общепризнанными правами человека, финансовое ведомство решило отдать эту проблему на откуп другим более компетентным в правах органам? Во всяком случае выяснилось, что Прокуратура, Общество Красного Креста и Красного Полумесяца, Мосторисполком, АПН, ЦСУ, Инюрколлегия¹⁾ — не из их числа. Церковь как известно благотворительностью не занимается. Недавно по Всесоюзному радио шла передача из цикла «Атеистическая пропаганда». Некто, атеист при ученых регалиях отвечал на вопрос радиослушателей «Почему в СССР церквям запрещено заниматься благотворительностью?». К сожалению, я сам не слушал этой передачи. Однако мне пересказывали ее и я понял, что основным аргументом было то, что сама идея благотворительности чужда советскому обществу (очевидно более чужда чем религия?).

С этим трудно не согласиться. Вот на Западе при капитализме, когда кто либо награбит, наэксплуатирует миллионы, его потом совесть начинает заедать — вот вам и филантроп. А советских людей совесть не беспокоит. Конечно, и на Западе занимаются благотворительностью не только совестливые миллионеры, но и простые честные труженики-гуманисты. Но и здесь советские люди их оставили далеко позади в том, что не жалкую милостыню надо подавать, а если и вкладывать деньги, то с надеждой социального переустройства общества, чтобы навсегда исключить язвы капитализма и ликвидировать саму базу благотворительности. Воинствующий гуманизм — вот что пришло на смену благотворительности. И действительно та же Русская православная церковь (Московская Патриархия), «желая по-

1) См. переписку Группы-73 в настоящем собрании.

мочь в проведении столь важного и представительного форума (Конгресс миролюбивых сил, что был в Москве в конце октября — прим. А. Т.) перечислила в советский фонд мира 3 миллиона рублей» («Известия», 25 октября 1973 года). (Кстати непонятно, как это оказалось возможно, поскольку Русская православная церковь, если и пользуется правами юридического лица, где либо за рубежом, но только не в СССР. Быть может это станет важным прецедентом для какой либо незарегистрированной благотворительной ассоциации, не имеющей права юридического лица?)

Как ни странно единственное юридическое лицо, интерес которого к этой проблеме мне известен — это КГБ. Но может быть и не странно, поскольку идея благотворительности, чужда советскому обществу (см. выше), а в отношении чуждых идей всегда найдутся ревнивые служаки считать их не только чуждыми, но и подрывными. Хотя, с другой стороны, сотрудники КГБ склонны подчеркивать, что «за идеи мы не судим». А с третьей стороны, коль уже эта идея, как ни странно, возникла (например у радиослушателей Всесоюзного радио), нельзя же столь важное дело, как и никакое другое, пускать на самотек. Как бы то ни было интересуются.

Так, например, летом этого года допрашиваемое в качестве свидетеля по делу № 24 физическое лицо, интересующееся этой же проблемой (Альбрехт Владимир Янович, буду рад познакомить Вас с ним), сочло необходимым записать в качестве замечания к протоколу допроса следующее:

На допросе следователь капитан... «сделал ряд замечаний о моем «участии» в организации новогодней елки для детей политзаключенных. Я знаю очень многих интересуют проблемы, связанные с оказанием помощи политзаключенным, их семьям и, особенно, их детям. Да это интересует меня лично, моих друзей и, как теперь видно, следственные органы КГБ. Не вижу

в том ничего дурного. Считаю полезным обсуждение этих проблем в любом аспекте: теоретическом, практическом, правовом, социологическом или социальном, наконец, даже, в нравственном, но ни в коем случае — в аспекте уголовном. Мне кажется это никак не может быть предметом судебного исследования».

Прошло уже полгода. Этот текст попал по крайней мере в два самиздатских текста, но до сих пор мне не ясно в каком же собственно аспекте интересуется этой проблемой КГБ.

Буду рад, если кто мог бы поделиться своими обоснованными мнениями на этот счет, хотя разумеется отнюдь не радуюсь обстоятельствам, которые могут послужить основаниями для таких мнений, пусть уж лучше не известно.

Ну вот как видите куча проблем, масса вопросов и почти никаких основательных аргументов для их разрешения.

С искренним уважением

А. Твердохлебов

24 декабря 1973 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ ОБ ОБЫСКЕ 27-28 НОЯБРЯ 1974 г.

В ночь с 27 на 28-ое ноября у меня на квартире был произведен обыск. Обыск проводил старший следователь Следственного отдела УКГБ при СМ СССР по городу Москве и московской области капитан ЮРИКОВ по поручению и на основании постановления старшего следователя следственного отдела КГБ при СМ Литовской ССР майора МАРКЯВИЧУСА от 23 октября 1974 года.

Перед началом обыска мне было предложено добровольно выдать документы, имеющие значение для указанного в постановлении на обыск уголовного дела № 345. На что я заявил, что таковыми не располагаю. В процессе обыска таковых и не было найдено. Сужу так по тому, что только однажды за весь обыск, длившийся-

ся десять с половиной часов, следовательно, обнаружив брошюру на английском языке зарубежного издательства, сказал, что вот ее-то и нужно было выдать добровольно поскольку на ее обложке изображена карта Литвы. Таким образом, на основании статьи 171 УПК РСФСР все изъятое следует считать вообще запрещенным властями к обращению.¹⁾ Тем более интересно, что изъято.

Возглавляет перечень «Архипелаг ГУЛag». Затем идет периодика с информацией о религиозных преследованиях: «Бюллетень Совета родственников узников евангельских христиан баптистов» (№ 17, 1974), листок издательства «Христианин» с информацией об арестах в городе Рита под названием «Они печатали Евангелие», «Хроника Литовской католической церкви» (№№ 4, 5, 6, 1974 г.) зарубежного издательства на английском языке.

Затем периодика с информацией о нарушениях прав человека — «Хроника защиты прав человека в СССР» №№ 2, 3, 7. Затем все материалы (опубликованные и архивные документы) правовых ассоциаций, непризнаваемых властями, в частности Комитета прав человека, Инициативной группы защиты прав человека, Комитета Ассоциации граждан немецкой национальности, проживающих в Эстонии, Группы-73 (ассоциации по проблемам помощи политзаключенным), Группы Международной Амнистии в Советском Союзе (архив).

Далее все материалы с информацией о положении заключенных в тюрьмах и лагерях Советского Союза (имевшиеся у меня материалы о положении заключенных в Индонезии, Южном Вьетнаме, Испании и Чили изъяты не были) в том числе материалы самиздатского сборника о положении заключенных в СССР, копии

1) — Статья 171 УПК РСФСР «Изъятие предметов и документов при выемке и обыске». Часть 1-ая этой статьи гласит:

«При производстве выемки и обыска следователь должен строго ограничиваться изъятием предметов и документов, могущих иметь отношение к делу. Предметы и документы, запрещенные к обращению подлежат изъятию независимо от их отношения к делу» (подчеркнуто ред.). — Прим. ред.

текстов писем из лагерей, любая информация о лагерях, списки с адресами заключенных и их семей — среди них уникальные: интервью одиннадцати политзаключенных лагеря ВС 389/35 по поводу дня политзаключенного в СССР, 30 октября, и написанное в лагере же двумя известными политзаключенными брошюра «Пособие по психиатрии для инакомыслящих».

Запрещенным оказалось и то, что относится к благотворительной деятельности, коей я чисто по-любительски занимался (письма, открытки, квитанции почтовых переводов, списки адресов и семей заключенных). Под этим же соусом чуть было не забрали лежавшие в том же ящике стола деньги в количестве 152 рублей, но после долгой дискуссии брать их не стали.

Запрещены также конкретные документы правозащитной деятельности и информационные материалы по отдельным казусам. Сюда же можно отнести и открытые письма сенаторам Генри Джексону и Эдварду Кеннеди. Кроме того были изъяты списки и адреса семей немцев (примерно две тысячи семей), желающих переселиться на постоянное жительство в ФРГ.

Недопустимо иметь также магнитофон и пишущую машинку, если, как стало ясно из устной дискуссии с работниками КГБ, они используются в плохих целях (очевидно имеется в виду их использование для текстов, связанных с проблемой прав человека). Не следует думать, что магнитофон и пишущую машинку сразу же отдадут после снятия экспертизы или хотя бы окончания дела № 345. В прошлом году на обыске 27-28 августа (по делу № 24) у меня забрали прежний магнитофон и прежнюю машинку и до сих пор не вернули.

К этому грустному списку следует добавить и записные книжки. Повидимому, я их использовал в тех же плохих целях, что и магнитофон и пишущую машинку. Однако, авторучку пока что у меня не забрали.

28 ноября 1974 г.

А. Твердохлебов

ПРИЛОЖЕНИЕ: ПРОТОКОЛ ОБЫСКА

г. Москва, 27 ноября 1974 года.

Старший следователь Следственного отдела Управления КГБ при Совете Министров СССР по городу Москве и московской области капитан Юриков с участием понятых в присутствии Твердохлебова Андрея Николаевича при содействии оперативных уполномоченных КГБ при Совете Министров СССР Шевчука, Кадырова, Дубина с соблюдением требований статей 169-171 и 176-177 УПК РСФСР, на основании постановления старшего следователя Следственного отдела КГБ при Совете Министров Литовской ССР майора Марквичуса от 23 октября 1974 года, по его поручению произвел обыск в квартире по адресу: улица Чкалова, дом 11/16 кв. 76. Вышеперечисленным лицам разъяснено их право присутствовать при всех действиях следователя и делать заявления по поводу тех или иных его действий. Понятым, кроме того, разъяснена на основании статьи 135 УПК РСФСР их обязанность удостоверить факт, содержание и результаты обыска. Обыск начат в 20 ч. 10 м. и окончен в 6 ч. 45 м. 28 ноября 1974 года.

Перед началом обыска Твердохлебову было предложено добровольно выдать указанные в Постановлении на обыск документы, имеющие значение для уголовного дела, на что последний заявил, что таковыми не располагает.¹⁾

Затем был произведен обыск в двух смежных комна-

1) В Постановлении на обыск указано, что обыск производится по делу № 345 Литовской ССР. Твердохлебов действительно не располагал документами относящимися к этому делу. Справедливость этого утверждения подтверждается результатами обыска: только однажды в ходе обыска следователь сказал: «А что же вы говорите, что не располагаете?» и показал при этом на брошюру иностранного издания, на обложке которой изображена карта Литвы. Это, повидимому, был единственный «документ» по указанному уголовному делу, если не считать возможно интересные следствие адреса литовских знакомых Твердохлебова. Таким образом все остальные изъяты при обыске материалы — перечисленные в настоящем протоколе — повидимому, никакого отношения к делу 345 не имеют и их следует считать не документами по делу, а материалами запрещенными к обращению. — Прим. ред.

тах и подсобных помещениях, принадлежащих Твердохлебову в общей коммунальной квартире.

При обыске обнаружено и изъято:

1. Записная книжка в малиновой синтетической обложке, вставленная в такого же цвета и материала обложку типа портмоне, в отделениях последней — 9 (девять) различных листков с записями. В записной книжке на странице с буквой «А» запись начинается словами: «Акимов Юрий Михайлович, 463264 — домашний...», на странице с буквой «Я» запись кончается словами: «Якименко Сергей, 2270014 доб. 571». Кроме того в записной книжке обнаружено и изъято: кусочек экспонированной фотопленки, на которой изображена окружность и квитанции № 3461 и № 3471 в приеме почтового перевода¹⁾ на сумму 50 (пятьдесят) рублей каждый, соответственно в Киев Лисовой В. П. и в Ленинград Глаголевой Р. В. Записная книжка, 9 листков с записями, кусочек фотопленки и квитанции упакованы в конверт, опечатанный печатью № 56 УКГБ ДЛЯ СПРАВОК.

2. В портфеле, в суперобложке под названием Москва-путеводитель с видом на московский Кремль, книга карманного формата под названием «Архипелаг ГУЛаг» А. Солженицына, части 1 и 2, 1973 года издания на русском языке, изданная в Париже на 606 страницах. Обложка книги коричневого цвета.

3. В портфеле — карманного формата книга на 606 страницах, без названия в двух частях: часть 1 — «Тюремная промышленность», часть 2 — «Вечное движение». Обложка книги темно-синего цвета.

4. Бюллетень Совета родственников узников евангельских христиан баптистов в СССР, № 17 за 1974 год на 32 страницах.

5. Стандартный лист бумаги с текстом, исполненным типографским шрифтом под названием «Они печатали Евангелие» — в двух экземплярах.

1) На самом деле в отправлении почтовых переводов — Прим. ред.

6. Брошюра на иностранном языке с печатным текстом на 53 страницах. На обложке изображена скульптура сидящего за колючей проволокой человека. Название книги: «Крайст бехайнд уайр» (Христос за проволокой — Прим. ред.).

7. Брошюра на иностранном языке с печатным текстом на 51-ой страницах. На обложке название: «Аут оф вз депф» (Из глубины).

8. Брошюра на иностранном языке с печатным текстом на 20-и листах. На обложке изображена часть географической карты. Название брошюры: «Фром вз кэтакомбс» (Из катакомб — Прим. ред.).

9. Брошюра на русском языке под названием «Хроника защиты прав в СССР», выпуск № 2, Апрель-Май 1973 года, Издательство «Хроника», Нью-Йорк 1973.

10. Брошюра на русском языке под названием «Хроника защиты прав в СССР», выпуск 3-ий, Июнь-Август 1973 г., Издательство «Хроника», Нью-Йорк 1973.

11. Брошюра на русском языке под названием «Хроника защиты прав в СССР», выпуск 7-ой, Январь-Февраль 1974 г. Издательство «Хроника», Нью-Йорк 1974.

12. Записная книжка в светло-коричневой обложке. На странице с буквой «П» запись начинается словами: «Подъяпольский, 1416609...».

13. Темносинего цвета папка под номером 23. На обложке надпись: «улица Чкалова, дом 48 «Б», кв. 68, Сахарову А. Д.» Внутри папки два скоросшивателя под номерами 1 и 2. В каждом скоросшивателе сброшюрованные и пронумерованные листы белой бумаги с записями скорописью (скоропись это просто рукопись — прим. ред.). В скоросшивателе нумерация идет с № 1 до № 4, а затем с № 1 по № 152. В скоросшивателе № 2 нумерация идет с № 153 по № 350 и далее два чистых листа. В скоросшивателе № 1 текст на листе № 1 начинается словами «Комитету обеспечения прав человека в СССР...» и на 152-м листе кончается сло-

вами «... Заведующий отделом [...]». В скоросшивателе № 2 на листе № 153 запись начинается словами «Третье римское уголовное дело...» и на листе № 350 кончается словами «... 109. Заключение... 335».¹⁾

14. Папка зеленого цвета с тесемками. На обложке надпись «Теория». В папке конверты с вложениями, листы бумаги с машинописным текстом и текстом, исполненным скорописью — различная переписка. Папка упакована в пакет № 1.²⁾

15. Папка цвета морской волны с тесемками. В папке листы бумаги с № 1 по № 231 с текстом; из них листы № 1 и № 2 написаны от руки печатным шрифтом. Все остальные листы имеют машинописный текст. На странице № 1 текст начинается словами «Хроника эпохи культа личности...» и на странице № 231 кончается словами «... вставал бледный, мертвенно желтый расцвет».

16. Папка для бумаг сиреневого цвета с тесемками. В папке 98 листов белой бумаги стандартного размера с различными текстами, исполненными на пишущей машинке.³⁾

17. Машинописный текст, начинающийся словами «О приказе № 020...» и кончающийся словами «... Жуков: «А вот, «нонсенс». На двух листах стандартной белой бумаги, в четырех экземплярах, всего на 8-и листах.

18. Листы белой бумаги с машинописным текстом, из них под названием а) «О письме Александра Солженицына «Вождям Советского Союза» — на 9-и листах; б) «Заявление прессе Евгения Барабанова» — на 4-х листах, 2 экземпляра по два листа каждый; в) «О заявле-

1) Это старые материалы из архива Комитета прав человека, присланные неназванным активистом, который пытался создать что-то вроде Комитета прав человека, но с социальным уклоном. Присланные документы содержали материалы об увольнении с работы и о мытарствах этого активиста — прим. ред.

2) Это тоже старый архив Комитета прав человека — письма Сахарову — прим. ред.

3) Это архив благотворительной деятельности Твердохлебова — прим. ред.

нии Евгения Барабанова» — на одном листе; г) «Заявление», подписанное 8 сентября 1973 года, А. Сахаров — на одном листе; д) без названия, начинающиеся словами «Глубокоуважаемый Леонид Ильич, появление этих вопросов . . .» и заканчивающиеся словами «. . . здесь мне в сущности не о чем спрашивать. С уважением Ю. Орлов» — на шести листах; е) «Запись беседы: Зам. Генерального Прокурора СССР — А. Сахаров» — на семи листах; ж) «Протокол обыска от 22 февраля 1974 года» — на двух листах; з) «Прокурору московской области С. И. Гусеву, Жалоба от В. И. Кузнецовой» — на двух листах каждый экземпляр, всего два экземпляра на 4-х листах; и) «Заявления Кузнецовой» в различные инстанции — на 5-и листах; к) «Жалоба», подписанная В. Буйко от 27 октября 1974 года — на одном листе; л) «Интервью А. Солженицына западным корреспондентам 23 августа 1973 года» — на 11 листах; м) «Заявление А. А. Шимановой от 14 мая 1969 года» — на трех листах; н) «Министру внутренних дел СССР Н. А. Щелокову», подписанное 21 августа 1973 года, Солженицын — на одном листе; о) «Заявление осужденного С. Глузмана в отдел административных органов ЦК КПСС» — в двух экземплярах, каждый имеет нумерацию с № 7 по № 23 и скреплены скрепкой; п) «Хроника Архипелага ГУЛаг» — голодовка протеста в учреждении ВС 380/35 — на 8-и листах; р) «Перевоспитание политзаключенных» — на одном листе; с) «От составителя» — в 4-х экземплярах, каждый имеет нумерацию с № 2 по № 12, точнее два экземпляра по № 12, а два экземпляра по № 11; т) «Генеральному Секретарю ООН Г-ну Курту Вальдхайму» — на двух листах, скрепленных скрепкой.

Документы, указанные в пунктах 17 и 18 упакованы в пакет № 4.

19. а) Листы белой бумаги с машинописным текстом с имеющейся нумерацией с № 1 по № 23. На первом листе запись начинается словами «Прокуратура Российской Советской Социалистической Республики, Отдел

мест лишения свободы, 9, 874 № 14/402-72...», на листе № 23 текст кончается словами «... с уважением к Вам Иван Светличный, 22 августа 1974 года». Указанные листы обернуты листом бумаги коричневого цвета, на котором простым карандашом надпись «Заявления и письма П. З. Зроска [?], ВС 389/35 (24 страницы?)»

б) Листы белой бумаги с машинописным текстом. Листы имеют нумерацию с № 1 по № 27. Запись на листе № 1 начинается словами «Чилийский политзаключенный, как известно...» и на листе № 27 кончается словами «... перед мужеством которого мы все преклоняемся». Указанные листы завернуты в листках бумаги коричневого цвета, на которых надпись простым карандашом «Чилийским политзаключенным — интервью, 27 страниц». Второй экземпляр с идентичным текстом завернут в подобную же бумагу, на которой надпись «Интервью в ИТУ ВС 389/35 (принимали участие 11 политзаключенных) к 30 октября — дню политзаключенного в СССР, 1974 год».

в) Листы белой бумаги с машинописным текстом. Листы имеют нумерацию с № 1 по № 25, заглавие: «Пособие по психиатрии для инакомыслящих». Листы завернуты в листок коричневого цвета с подобным названием.

20. Брошюра под названием «Издательство «Посев»» (нумерация страниц с 1-ой по 7-ую) от 12 июня 1973 года.¹⁾

21. Листок белой бумаги в клеточку с рукописным текстом. На одной стороне текст имполнен красистелем красного цвета под названием «Баллада про недосып». На другой стороне надпись исполнена красителем зеленого цвета и кончается словами «... милый г. Зайцев!».

22. Листок белой бумаги в клеточку с текстом, исполненным скорописью красителем синего цвета, начинаю-

1) Эта брошюра повидимому осталась незамеченной и не была изъята на предыдущем обыске у Твердохлебова, 27-28 августа 1973 года — прим. А. Т.

щимся словами «Чидзикас Йозо...» [?] и кончающийся «... о помощи ее сыну».

23. Листок бумаги в клеточку с текстом исполненным красителем синего цвета скорописью на одной стороне одна фраза «Передать господину Ольбрехту», на другой стороне запись «Сакалаускене, город Каунас, улица Ригас, 15, кв. I, мальчик Жилвикас 9 лет.»

24. Заявление в Международную Амнистию господину Мартину Энналсу на одном листе.

25. Проект «Международная Амнистия», секция СССР, Статут.

26. Извлечение «О порядке деятельности в пределах СССР иностранных и международных добровольных обществ и их союзов» — на одном листе.

27. Машинописный текст на двух листах стандартной бумаги под названием «В редакцию газеты «Ленинградская Правда», подписанное 31 декабря 1973 года, Э. Орловский.

28. Машинописный текст под названием «Два дня в сентябре» — на 4-х листах (четырех).

29. Машинописный текст под названием «О чайной церемонии» — на двух листах.¹⁾

30. Три листа машинописного текста по поводу осуждения Винса Георгия Петровича.

31. Машинописный текст на трех листах белой бумаги, под названием «Обращение от Ванзиндлера И. Г.».

32. Машинописный текст на одном листе «Ответ из прокуратуры Эстонской ССР гражданину Ванзиндлеру И. Г.».

33. Машинописный текст на одном листе «Заявление гражданина Буйко В. И. и Крузина В. И. в Верховный Суд Латвийской ССР»²⁾

34. Пять скрепленных скрепкой листов белой бумаги с рукописным текстом, начинающимся словами «17 часов. Конец...» и кончающимся словами «... не ве-

1) О том как пьют чай в лагере — прим. ред.

2) Это просьба о помиловании Сильвы Залмансон за полгода до того как она была помилована. В этой просьбе было отказано в то время.

рящий в близость зари коммунизма». Текст исполнен синим красителем.¹⁾

35. Машинописный текст на одном листе под названием «Последнее слово Ладыженского Л. А.».

36. Машинописный текст на одном листе под названием «Последнее слово Коровина Ф. Я.».

37. Машинописный текст в двух экземплярах на двух листах под названием «Обращение к Генеральному Канцлеру и Министру иностранных дел ФРГ от Комитета Ассоциации граждан немецкой национальности, проживающих в Эстонии от 18 октября 1974 года».

38. 14 листов машинописного текста от Буйко В. П. в различные инстанции.

39. 10 листов машинописного текста под названием «Суд над Ладыженским Л. А. и Коровиным Ф. Я.».

40. Машинописный текст на одном листе бумаги светло-коричневого цвета, под названием «Заявление Буйко В. Генеральному Прокурору от 1 ноября 1974 года».

41. Машинописный текст на одном листе под названием «Друзьям» за подписью В. М. Долгий, 25 сентября [?] 1973 года.

42. Машинописный текст на одном листе, начинающийся словами «В Международный комитет защиты прав человека...» и кончающийся словами «... и мужественным человеком», 6 марта 1974 года.

43. Машинописный текст на одном листе, начинающийся словами «Сенатору Генри Джексону...» и кончающийся словами «... выехать в Израиль», 2 ноября 1974 года.

44. Машинописный текст, размноженный на ротаторе, на пяти листах под названием «О приказе № 020».

45. Два экземпляра машинописного текста под названием «30 Октября» на 4-х листах каждый.

46. Машинописный текст на одном листе «Заявление

1) Это текст последних записей Владимира Николаевича Соколова, покончившего жизнь самоубийством 15 февраля 1972 года близ Архангельска. Эти записи фигурировали в деле С. Пирогова май 1974 года — прим. ред.

Инициативной группы защиты прав человека в СССР от 30 октября 1974 года».

47. Машинописный текст на одном листе под названием «Обращение Инициативной группы крымских татар города Ташкента от июля 1973 года».

48. Машинописный текст на одном листе под названием «В защиту Габриэля Суперфина».

49. Машинописный текст на 6-и листах под названием «О субъективной оценке неотъемлемых прав личности». ¹⁾

50. Машинописный текст на 13-и листах под названием «Центральному Комитету компартии Грузии. Справка».

51. Два экземпляра машинописного текста за подписью Твердохлебова А. Н. «Заявление в Президиум Верховного Суда Казахской ССР от 14 марта 1974 года».

52. Семь листов машинописного текста, начинающегося словами «Валерий БУЙКО — 32-х лет...» и кончающегося словами «... Ленинского района города Риги».

53. 49 сброшюрованных листов машинописного текста под названием «О Конституции СССР, А. Вольпин». ²⁾

54. 7 [?] экземпляров машинописного текста под названием «В защиту политзаключенных», каждый экземпляр на трех листах, подписан 24 октября 1974 года Андреем Сахаров. ³⁾

55. 7 экземпляров машинописного текста под названием «Заявление», каждый экземпляр на двух листах. Текст начинается словами «Эта пресс-конференция...» и кончается словами «... тяжелыми повторными сроками». ⁴⁾

56. Машинописный текст на одном листе за подписью

1) Это старая работа А. Твердохлебова не получившая хождение в самиздате — прим. ред.

2) Это доклад Комитету прав человека — прим. ред.

3) Письмо Л. И. Брежневу.

4) Это заявление для печати для пресс-конференции 30 октября 1974 года — прим. ред.

Сахарова и Твердохлебова от 27 мая 1973 года в Международную Лигу прав человека. Отпечатано на стандартном листе белой бумаги в клеточку.

57. Четыре листа машинописного текста под названием «Хроника продолжается, Амосову Николаю Михайловичу».¹)

58. 42 разрозненных листа машинописного и рукописного текста.

59. Четыре экземпляра машинописного текста под названием «Следственный изолятор Лефортово», каждый экземпляр на 6-и листах.

Документы указанные в пунктах [?] — 59 упакованы в пакет № 6.

60. а) 92 (девяносто два) листка бумаги белого цвета с различными записями фамилий, имен, адресов, исполненных красителями различных цветов скорописью. Указанные листки скреплены куском провода в синей хлорвиниловой оплетке.²)

б) 12 (двенадцать) листов бумаги серого цвета, разлинованных с одной стороны с различными записями фамилий, имен, адресов. Указанные листы скреплены куском провода в хлорвиниловой оплетке серого цвета.³)

г) 56 отдельных листов бумаги различного формата с записями адресов, фамилий и имен.⁴)

д) 16 квитанций в приеме почтовых переводов.⁵)

е) В конверте зеленого цвета 19 листов различного формата с записями фамилий, имен адресов, образования, семейного положения.⁶)

ж) В конверте белого цвета 9 листов различного формата с записями фамилий, имен, адресов.⁷)

1) Это письмо Семена Глузмана — прим. ред.

2) Это адреса семей политзаключенных — прим. ред.

3) Это тоже адреса семей политзаключенных — прим. ред.

4) То же, что пп. а) и б) (пункт в) в протоколе отсутствует — прим. ред.

5) Фактически в отправлении почтовых переводов, возможно имеется в виду принятие почтой почтового перевода для отправления по назначению — прим ред.

6) Это списки немцев желающих эмигрировать — прим. ред.

7) Это тоже списки немцев — прим. ред.

з) Машинописный текст на одном листе, начинающийся словами «.....» и кончающийся словами «... Нина Ивановна Буковская».

и) Пять листов машинописного текста под названием «Обращение к советской и зарубежной общественности».

к) Четыре листа машинописного текста, начинающегося словами «На днях из одного из островов...» и кончающегося словами «... объявившими голодовку, присоединяйтесь к ним!».

л) Два листа машинописного текста, начинающегося словами «Наверно западному человеку трудно понять...» и заканчивающегося словами «... убийство двух больных в Благовещенске».¹⁾

61. 18 фотографий с изображением бытового электросчетчика, радиодеталей, электросхемы и фотокопии машинописного текста, состоящего из 16-и пунктов.²⁾

Документы, указанные в пунктах 60-61 упакованы в пакет № 7.

62. Портативный магнитофон «Суперскоп». На пластинке белого металла, прикрепленной с обратной стороны, выбит номер 6029555. К нему микрофон со штекером и переходной электрошнур с двумя вилками.

63. Кассеты для портативного магнитофона в количестве 3-х штук, две из них в коробочках.

64. Пишущая машинка марки «Континенталь» № 848759, внешне в исправном состоянии.

Во время обыска в квартиру Твердохлебова в порядке очередности с разрывом по времени пришли неизвестные граждане, которые при проверке документов оказались Татьяна Максимовна Литвинова, Андрей Дмитриевич Сахаров, Юрий Орлов, Валентин Турчин, Сергей Ковалев, Татьяна Великанова, Ирина Кристи.

Изъятые предметы, указанные в пунктах 1-12, [?] -61 [?] упакованы в бумажный пакет [опечатанный] пе-

1) Об убийстве двух пациентов в психиатрической больнице в Благовещенске — прим. ред.

2) Это счетчик в котором было обнаружено подслушивающее устройство. Этот счетчик с подслушивающим устройством был обнаружен в квартире члена общины ЕХВ — прим. ред.

чатью № 56 УКГБ ДЛЯ СПРАВОК, на которой имеется подпись понятых. Других предметов не изымалось. Никаких замечаний по поводу обыска от лиц, участвовавших в обыске и присутствовавших при нем не поступало.¹⁾

Протокол оглашен следователем и записан правильно. Присутствовавшие при обыске подписать протокол отказались. Подпись лица, у которого производился обыск — Твердохлебов подписать протокол отказался, не объяснял причины. Подписи лиц, участвовавших в обыске: понятые, следователь. Копию протокола об обыске получил — Твердохлебов.

(Протокол прошлого обыска у Твердохлебова, 27-28 августа 1973 года изъят не был — прим. ред.)

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПРОКУРОРУ ГОРОДА МОСКВЫ

В ночь с 27 на 28 ноября сего года на квартире Твердохлебова А. Н., Москва, Лялин переулок 12а, 1, сотрудниками московского КГБ по поручению литовского КГБ был произведен обыск, на котором в качестве запрещенных к обращению документов изъят архив Группы-73.

Прокуратуре известно о Группе и ее принципах с момента учреждения. Никаких запретительных распоряжений из прокуратуры не поступало. Быть может, московское ГБ заботилось о своем авторитете в глазах властей Литвы, мы же заботимся об авторитете нашей Группы.

1) Твердохлебов просил отметить в протоколе, что замечания и заявления им будут сделаны позже, ибо в связи с поздним временем это невозможно — прим. ред.

Ждем результатов Вашего скорейшего вмешательства на основании ст. 17 п. 3 и ст. 19 п. 5 «Положения о прокурорском надзоре в СССР».

30 ноября 1974 г.

Члены Группы-73: В. Альбрехт, И. Корнеев

Ответ направлять по адресу: Москва К-62, Лялин переулок 12а, 1, Твердохлебову А. Н.

ЗАЯВЛЕНИЕ В ЗАЩИТУ В. ОСИПОВА

28 ноября органами ГБ арестован Владимир Осипов, известный деятель традиционного для России славянофильского направления.

Накануне, в ночь с 27 на 28 ноября, у меня был произведен обыск органами ГБ. Я прошу тех, кто принял участие в моих неприятностях — добрым сочувствием и активной поддержкой, принять не меньшее участие в судьбе Осипова в независимости от личного отношения к идеям славянофилов. После многочисленных арестов 72 и 73 годов это первый арест подобного типа, когда арестовывается человек, не скрывающий свою интеллектуальную активность, — ничего не должно отвлекать внимание от этого факта.

Незадолго до ареста Осипов написал письмо сенатору Джексону с просьбой употребить свое влияние на улучшение его жизненных условий. Уж не по этой ли причине он и был арестован? К сожалению, истинная причина вряд ли станет ясна и после приговора суда. Очень бы хотелось, чтобы до суда дело не дошло и Осипов был бы освобожден.

30 ноября 1974 г.

А. Твердохлебов

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ О СОДЕРЖАНИИ ВЛАДИМИРА БУКОВСКОГО

Владимир Буковский содержится в заключении по почтовому адресу станция Всесвятская, Чусовского района, Пермской области, Учреждение ВС 389/35. Это так называемый Исправительно-Трудовой лагерь строгого режима. Географически лагерь расположен в перекрестии 58-го градуса северной широты и 58-го градуса восточной долготы, на Среднем Урале, близ реки Чусовая, что впадает в реку Каму близ города Пермь. Если спуститься вниз по Каме километров на 500, вы попадете в трудовой лагерь другого сорта — стройку гиганта автозавода в Набережных Челнах, который строится при участии американских промышленных сил.

Лагерь, как учреждение ВС 389, подразделяется на собственно лагеря или лаг-пункты. В лаг-пункте 35, это небольшой лаг-пункт, вместе с Буковским находятся еще примерно 240 человек, все политзаключенные. Среди известных (политзаключенных) там находятся евреи, которым не давали выехать в Израиль, Альтман, Бутман, Ягман, Хнох; украинцы — Иван Светличный, Антонюк, Коренец; и то, что еще называют диссиденты — офицер-подводник Гаврилов, преподаватель из Горьковского университета Павленков, Мишнер, психиатр Семен Глузман.

Лагерь обнесен сплошной высокой стеной, метра три вышины, с рядами колючей проволоки, с вышками для часовых — ну самым привычным образом. Персонал, обслуживающий лагерь живет по соседству в поселке, где есть маленький домик для приезжающих родственников на редкие свидания с заключенными. Вокруг лагеря — уральские леса.

Советское законодательство рассматривает заключенного не только как караемого за совершенное им преступление субъекта, но и как объект перевоспитания.

Очевидно, что само по себе лишение свободы считается недостаточным наказанием и заключенный подвергается массе ограничений, как безусловных — в соответствии с законодательством — так и дополнительных — по усмотрению администрации. Законодательство не дает возможности заключенным или их родственникам обращаться с жалобами на администрацию в суд. Обжалование действий администрации допускается только в административном порядке, высшему начальству или прокурору. Поэтому усмотрение администрации часто превращается в ее произвол. Тем более, что успехи или недостатки перевоспитания заключенных являются критерием продвижения по службе.

Владимира Буковского перевоспитывают сейчас таким образом. Его поместили в камеру одиночку, внутри лагеря она находится, с суточным рационом питания: 400 граммов черного хлеба, 3 грамма жира, 20-25 граммов варенной рыбы и немного варенных овощей или же вместо овощей жидкая овсянка на воде грамм 200. Он может отправлять письма один раз в два месяца. И это наказание будет длиться 3 месяца. После этого оно может быть по усмотрению администрации продолжено еще на три месяца.

Непосредственно перед этим, без какой либо передышки, он был наказан помещением в штрафной изолятор на 15 дней, где рацион питания следующий: горячая пища дается один раз в два дня, похлебка из капусты без жиров, а в остальные дни дается только хлеб и вода. К этому надо добавить суровый климат, зимой там до 50 градусов (по Цельсию) мороза и обычное постоянное недоедание в обычных условиях, без наказания. К тому же родственникам разрешается посылать продуктовые посылки только по истечении отбывания пол-срока: одну посылку весом в 5 килограмм, один раз в год с ограниченным ассортиментом, и то если администрация не лишит этого по причине недостаточно успешного перевоспитания.

К мерам перевоспитания в лагерях относится и проведение и так называемого полит-часа, беседы о внешней и внутренней политике. Причем хотя официально посещение этих занятий дело добровольное, но на практике дело доходит до придинок, к непосещающему занятию и соответственно к лишению свиданий, писем, помещению в штрафной изолятор. Повидимому, процент посещаемости полит-часа свидетельствует об успехах или неудачах начальства в деле перевоспитания.

Это метод перевоспитания голодом. Непрерывное недоедание, как известно из подобной практики перевоспитания убивает в человеке человека. Буковский пошел на последнее средство — объявил голодовку, отказался вообще от приема пищи, чтобы сохранить в себе человека до последней минуты жизни.

В свое время Нина Ивановна Буковская, мать Владимира Буковского, обращалась к Подгорному с просьбой разрешить сыну выезд в Голландию. В этом письме было упомянуто высказанное сотрудником КГБ в частной беседе мнение о судьбе Буковского «Сейчас мы его приговорили к 12 годам а когда он вернется и станет продолжать свою деятельность дадим еще 15 лет». Очевидно сейчас стало обременительно постоянно держать в заключении людей подобных Буковскому. Задача максимально быстрого перевоспитания и избавления таким образом от Буковского стала на первое место.

(Популярная Медицинская Энциклопедия, Москва 1961 г. содержит следующую рекомендацию для больных печенью:

«Больным рекомендуются фрукты ягоды, овощи и их соки, сахар, мед, варенье, белый хлеб, каши, молочные продукты, особенно творог» стр. 228.

Ничего из этих продуктов Буковский не имеет).

29 апреля 1974 года.

А. Твердохлебов

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС БРЕЖНЕВУ

Прошу Вас дать указание партийному руководящему ядру соответствующих учреждений настоять на разрешении на выезд из Советского Союза для следующих лиц: Елене Боннэр (Москва, на поездку в Италию для лечения от наступающей полной слепоты — следствие контузии во время войны), Владимиру Архангельскому (Москва, выезд с семьей на постоянное жительство в Израиль), Олеся Берднику (Киев, поездка для чтения лекций по футурологии в Канаду), Борису Ланда (Москва, выезд к супруге в США).

Я ходатайствую за них потому, что в свое время привлек их к созданию и участию в деятельности ассоциации по межнациональной защите прав человека — а именно, первой в нашей стране группы опеки международной организации «Амнистия». Эта организация является всемирноизвестной, уникальной по своим методам и целям правозащитной деятельности, в которой большое внимание уделяется отсутствию какой бы то ни было приверженности к тем или иным политическим идеям или группировкам. Группа опеки этой организации опекает только заключенных других стран и при том одновременно в странах различных политических ареалов (капиталистических, социалистических и третьего мира).

Создание первой группы опеки в нашей стране, безусловно, поднимает престиж Советского Союза.

Между тем, отказ в разрешении на выезд указанным лицам, в особенности вопиющий отказ в разрешении на поездку для лечения в Италию инвалида войны Елены Боннэр, подрывают престиж нашей группы опеки в самом начале ее деятельности. Я надеюсь на ваше положительное вмешательство.

6 апреля 1975 г.

А. Твердохлебов

4. Благотворительность чужда советскому обществу

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР РУДЕНКО

23, 24, 25 декабря сего года я был допрашиваем следователем КГБ при Совете Министров СССР Харитоновым в качестве свидетеля по уголовному делу, возбужденному КГБ при Совете Министров Литовской ССР по фактам нелегального изготовления и распространения так называемой «Хроники Католической Церкви Литвы». В связи с этим делом на этой неделе в Москве был произведен ряд обысков и допрошен ряд лиц. Я обращаю Ваше внимание на это дело, прошу Вас очень внимательно в нем разобраться и тщательно проследить за его дальнейшим развитием.

Странное впечатление оставили у меня эти допросы. Похоже, что следователь Харитонов прекрасно осведомлен о том, что предмет его вопросов не имеет никакого отношения ни к уголовному делу, возбужденному по фактам изготовления и распространения «Хроники Католической Церкви Литвы», ни вообще к какому бы то ни было уголовному делу. Тем не менее, он ставит мне такие вопросы, причем явно подталкивает меня отказываться отвечать на них. При этом внешне для неизучившего проблему лица эти вопросы могут показаться имеющими отношение к «Хронике Католической Церкви Литвы». Когда же я после ясного и обоснованного показания о том, что интересующие его предметы не имеют отношения к данному уголовному делу, как и вообще к какому бы то ни было уголовному делу, стремясь пойти навстречу следствию, изъявляю готовность отвечать на эти вопросы, следователь меняет их или же вовсе от них отказывается.

Мне кажется очень вероятным, что следствие хочет добиться от прокуратуры санкции на возбуждение дополнительного отдельного уголовного дела по неправомерным основаниям, ссылаясь на созданные им искусственно отказы свидетелей отвечать на неправомерные вопросы. Искусство следователей КГБ достаточно хоро-

шо продемонстрировано в 72-73 годах. Мне кажется, что на повторные подобных процессов должны быть очень веские основания, более веские, чем это, возможно, хотелось бы следователю Харитонову.

Очень жаль, что не велась магнитофонная запись моих допросов. Тем не менее, внимательное ознакомление с протоколом будет, пожалуй, достаточным для подтверждения моего вывода. Особенно характерен не подписанный мной как фальсифицированный протокол первого допроса от 23 декабря, где следователь, как можно чаще и неправомочно, в качестве ответов вносил: «отказываюсь отвечать». В протоколе имеется мое заявление, которое я прилагаю. Далее на допросе 24 декабря в начале рассмотрения изъятых у меня брошюр следователь Харитонов задавал мне вопрос, от кого я получил эти брошюры, а после того как я обосновал мое мнение, что этот вопрос не может иметь отношения ни к какому уголовному делу, выразил, тем не менее, готовность на него отвечать, следователь совершенно изменил свой вопрос и спросил, знакомил ли я кого-либо с этими брошюрами, похоже, заранее зная, что я с ними никого не знакомил. На допросе 25 декабря повторилась та же самая картина, но гораздо более убедительно. В протоколе имеется всего лишь один вопрос и один ответ, касающийся изъятых у меня документов-записей. После того как я обрисовал имеющиеся у меня основания считать, что этот вопрос также не может иметь отношения к уголовному делу, и опять-таки высказал свою готовность, тем не менее, подробнее осветить этот вопрос, — следователь Харитонов вообще прервал допрос, обронив между делом, что он должен срочно вылетать из Москвы.

Еще раз прошу Вас внимательно отнестись к ходу этого дела. Я хотел бы, чтобы все интересующиеся этим делом ознакомились с высказанными мною опасениями.

26 декабря 1974 г.

Андрей Твердохлебов

ПРИЛОЖЕНИЕ: ПРОТОКОЛ ОБЫСКА

Москва, 23 декабря 1974 года.

Старший следователь следственного отдела КГБ при Совете Министров капитан Валетов, следователь следственного отдела КГБ при Совете Министров СССР лейтенант Никашкин, сотрудники КГБ при Совете Министров СССР Шевчук и Загородний в присутствии Твердохлебова Андрея Николаевича и понятых Таланова Анатолия Михайловича, проживающего Москва, Семеновская набережная, дом 3/1, корпус 6, квартира 124 и Черейского Александра Михайловича, проживающего Москва, 3-я Парковая, дом [неразб.] квартира 39, на основании Постановления Старшего следователя следственного отдела КГБ при Совете Министров Литовской ССР капитана Лазаревичуса о производстве обыска от 20 декабря 1974 года, руководствуясь требованиями статей 169-171, 176 и 177 УПК РСФСР, произвели обыск в квартире Твердохлебова Андрея Николаевича по адресу г. Москва, Лялин пер., дом 12/5, кв. 1.

Обыск начат в 07 час. 00 мин. [. . .]

Перед началом обыска в соответствии с требованиями статьи 170 УПК РСФСР Твердохлебову Андрею Николаевичу предъявлено Постановление о производстве обыска от 20 декабря 1974 года и предложено выдать предметы и документы, имеющие значение для дела.

Ввиду заявления Твердохлебова А. Н., что у него таковых не имеется, в его квартире состоящей из двух смежных комнат, был произведен обыск.

В результате обыска были обнаружены и изъяты:

1. Пишущая машинка марки «Эрика» № 187502 с русским алфавитом и черной лентой, бывшей в употреблении, находящаяся в фабричном футляре черного цвета.

2. «Хроника защиты прав в СССР», выпуск 5-6, ноябрь-декабрь 1973 года, Издательство «Хроника», Нью-Йорк, 1974 год, на 104 страницах на русском языке с обложкой бумаги желтого цвета.

3. «Новый журнал» № 115, за июнь 1974 года, издание Нью-Йорк под редакцией Романа Гуля, на русском языке на 276 страницах, в бумажной обложке бледно-желтоватого цвета. На странице 228-250 опубликована статья Романа Гуля под названием Ленин и Архипелаг Гулаг.

4. Брошюра на 80 страницах с текстом на иностранном языке в обложке серого цвета, на которой имеется надпись *Эмнисти Интернешнл, Эннюал репорт, 1970-1971, Эмнисти Интернешнл публикейшн, Джулай 1971.*

5. Журнал под названием «Вера и жизнь» №№ 1-2, каждый на 32 страницах включая титульный лист. Текст каждого журнала исполнен типографским способом на русском языке, издатель не указан.

6. Машинописный текст на русском языке, исполненный под черную ленту на белой канцелярской бумаге, папиросной, всего 57 лет, из которых 53 имеют нумерацию. На листе № 1 текст начинается словами «Международная амнистия, выпуск № 4, декабрь 1973 года...» и оканчивается «... Составитель А. Твердохлебов, Тел. 297-6369, Москва». Последний 53-й лист оканчивается датой «3 ноября 1973 года» и фамилиями «В. Альбрехт, В. Архангельский, И. Корнеев, А. Твердохлебов».

7. Копия машинописного текста на русском языке, исполненным под черную копировальную бумагу на белой канцелярской бумаге, папиросной, всего 57 лет, из них пронумеровано 53. Лист № 1 начинается и оканчивается теми же словами, что и машинописный текст, указанный в пункте 6 настоящего протокола.

8. Копия машинописного текста на 54 листах, исполненного на русском языке на белой канцелярской бумаге, папиросной, под черную копировальную бумагу. Первый лист начинается словами «Международная амнистия» и оканчивается «Составители В. Архангельский, А. Твердохлебов, Тел. 297-6369, Москва, март 1973 года». Последний лист оканчивается словами «на бланке

почтового перевода имеется небольшое место для письма».

9. Машинописный текст на двух листах на русском языке. Один лист: копия машинописного текста, исполненного под черную копировальную бумагу, начинающегося со слов «сообщение 27 ноября 1974 года. В городе Александрове Владимирской области органы КГБ произвели обыск». Другой лист является первым экземпляром машинописного текста, исполненного под черную ленту. На листе имеется цифра 2 и текст начинающийся словами «Издание журнала «Земля». Оба машинописных текста исполнены на белой бумаге, папиросной.

10. Три листа рукописного текста, исполненного под черную копировальную бумагу на бумаге желтоватого цвета. Текст на первом листе начинается словами «Открытое письмо американскому сенатору» на третьем листе имеется дата «3 декабря 1974 года» и текст, оканчивающийся словами «Валентина Машкова (Осипова), город Александров, 3, Владимирской области, коллективный сад «Дубки».

11. Лист белой канцелярской бумаги с текстом исполненным скорописью красителем черного цвета. Текст начинается словами «28-го ноября органами КГБ арестован Владимир Осипов» и оканчивается — «свою интеллектуальную активность». Некоторые слова текста зачеркнуты и имеются правки.

12. Машинописный текст на трех листах, исполненный под черную ленту. Текст на первом листе начинается словами «Гражданин В. Григорович учит порядочности». Последний третий лист оканчивается словами «и этим В. Григорович преподавал свой последний урок порядочности». Каждый из трех листов — канцелярский лист белой бумаги, папиросной.

13. Машинописный текст на двух листах белой канцелярской бумаги, папиросной, исполненный под черную ленту. Текст первого листа начинается «Заявление.

В ночь с 27 на 28-ое ноября у меня...» Второй лист оканчивается словами «Однако авторучку пока что у меня не забрали. 28 ноября 1974 года. Андрей Твердохлебов».

14. Два листа машинописного текста, исполненных под черную ленту на бумаге канцелярского типа, папиросной. Текст на первом листе начинается со слов «Письмо сенатору Джексону от бывшего политзаключенного редактора самиздатовского журнала «Земля» Владимира Осипова». Второй лист оканчивается словами «Да поможет вам Бог! 12 ноября 1974 года. В. Осипов».

15. Три листа машинописного текста, исполненного на белой канцелярской бумаге, папиросной, под черную ленту. Первый лист начинается словами «Защитить советских узников за убеждения». Третий лист оканчивается — «2 декабря 1974 года. Ланда М. Н.. Город Красногорск Московской области».

16. Три листа машинописного текста, исполненного на белой канцелярской бумаге, папиросной, под черную ленту. Первый лист начинается словами «Защитить советских узников за убеждения...» Третий лист оканчивается — «2 декабря 1974 года. Ланда М. Н.. Город Красногорск Московской области». На всех трех листах имеется подпись.

17. Восемь листов машинописного текста, исполненного на белой канцелярской бумаге, папиросной. Причем два первых листа являются первыми экземплярами, остальные — копии. Каждый из двух листов озаглавлен «Текущая информация, Сообщение». В конце второго листа имеется дата «30 ноября 1974 года» и фамилия «А. Твердохлебов».

18. Шесть листов машинописного текста, исполненного под черную копировальную бумагу на белых листах канцелярской бумаги папиросной. Каждый из трех листов начинается словами «Письмо Сенатору Джексону». Другие три листа оканчиваются словами «Да поможет Вам Бог! 12 ноября 1974 года. В. Осипов».

19. 11 листов машинописного текста, исполненного под черную копировальную бумагу, на белой канцелярской бумаге, папиросной. Листы имеют нумерацию от 2 до 11. Первый лист начинается словами «Черновик, не распространять! Александр Исаевич!» Последний лист оканчивается словами «Что есть на земле нашей Бог. В. Альбрехт». На листах имеются вставки и правка.

20. 44 листа машинописного текста, исполненного на канцелярской бумаге разного формата и качества. Листы имеют порядковую нумерацию от 1 до 40. 4 листа такой нумерации не имеют, а озаглавлены «Часть 1», «Часть 2», «Часть 3», «Приложение». Текст исполнен под черную ленту. Первый лист начинается словами «Международная амнистия», выпуск № 4, декабря 1973 года» и оканчивается словами «составитель А. Твердохлебов, телефон 297-6369. Москва».

21. Пять листов машинописного текста, исполненного на белой канцелярской бумаге, папиросной, под черную ленту. Первый лист озаглавлен «Об общественной деятельности Валерия Чалидзе». Пятый лист оканчивается перечислением фамилий. Последний по тексту указана «И. Якир».

22. Три листа машинописного текста, исполненного на белой канцелярской бумаге, папиросной, под черную ленту. Первый лист озаглавлен «Об общественной деятельности Валерия Чалидзе». Третий лист оканчивается указанием фамилий и подписями. Последний по тексту указан «В. Архангельский».

23. Три листа машинописного текста (копия), исполненного на белой бумаге, папиросной под черную копировальную бумагу. Первый лист озаглавлен «Об общественной деятельности Валерия Чалидзе». Третий лист оканчивается указанием фамилий. Последний по тексту указана «К. Великанова». За исключением И. Кристи и А. Твердохлебова остальные фамилии исполнены скорописью.

24. 8 листов машинописного текста, исполненного на

желтоватой канцелярской бумаге, папиросной под черную копировальную бумагу. Листы имеют нумерацию от 2 до 8. Первый лист начинается словами «Свидетель по армянскому делу Елена Сиротенко». Восьмой лист оканчивается словами «что среди вашей нации бывают такие кляузыницы».

25. Четыре листа машинописного текста, исполненного на белой канцелярской бумаге, папиросной, под черную копировальную ленту. На первом листе машинописный текст начинается словами «Глубокоуважаемый доктор». На этом же листе в верхней части имеется текст исполненный скорописью на иностранном языке. Текст начинается «Ве асошиейшн...». Четвертый лист оканчивается словами «признательности. Татьяна Ходорович».

26. 9 листов машинописного текста, исполненного на желтоватой канцелярской бумаге под черную копировальную бумагу. Первый лист начинается словами «Очередное собрание временно организованного комитета освобождения турецкого общества защиты». Последний лист оканчивается — «02 мая 1970 года, К. З. Ады-гюн Саплинского района АзССР».

27. Два листа ксерокопии документа, исполненного типографским способом. Один имеет № 87, другой — № 88. В верхней части 87-го листа скорописью исполнен текст «Проблемс оф коммюнизм, Вашингтон». Типографский текст также исполнен на иностранном языке. На тексте имеются такие подзаголовки: «1. П. Г. Григоренко», «2. Ольга Йоффе», «3. Н. Я. Горбаневская», «4. Юлия Вишневская», «5. Алдис Соскавичус», «6. П. М. Экидес» [?] «7. 6. I. [?] Фейгин».

28. Два листа черной копировальной бумаги размером 28.5 на 20 см. бывших в употреблении.

29. Лист канцелярской бумаги, на котором скорописью исполнен следующий текст «01-3739690 домашний телефон, частный, Бург, с утра до трех, Моск., Санди Таймс». Текст исполнен красителем синего цвета.

30. 15 клочков бумаги размером от 17,5 x 11 см до 4 x 8 см с записями фамилий адресов и телефонов граждан. На одном из листков имеется такой текст «Лезер Б., Чиркизовская, дом 8, корпус 7, квартира 37, телефон 161-5985, Преображенская метро. Обыск 8 часов, изъяты Белая книга, книги зарубежных издательств, кассеты магнитофонные, допрос 16-30 — 22-30», исполненный черным красителем скорописью. Текст на других клочках исполнен также скорописью красителями красного черного, фиолетового синего цветов.

31. Ученическая тетрадь в зеленой обложке, артикул 108-Р, первый сорт, в которой имеется одиннадцать листов в клетку. Первый лист отсутствует, имеется его обрывок. Второй лист начинается словами «Заявление для прессы», исполненными красителем синего цвета скорописью. На третьем, 9-ом, 12-м листах также имеется текст, исполненный скорописью синим красителем.

Документы, указанные в пунктах 2-3 настоящего протокола упакованы [...]

Обыск окончен в 12 ч. 30 м.

Протокол обыска прочитан [...] записан правильно [...] замечаний нет [...] подпись лица, у которого производился обыск [отсутствует] ... подписи понятых [...] подписи следователей.

Обыск произвел и протокол составил старший следователь следственного отдела КГБ при СМ РСФСР капитан Валетов.

Экземпляр протокола обыска получил *Твердохлебов Андрей Николаевич*.

ДВА ОБЫСКА И ЧЕТЫРЕ ДОПРОСА

Интерес к этим процедурам заметно упал (я имею в виду дела по пресечению информационного обмена).

Причины ясны — презумпция добросовестности следователей слишком быстро рушится. Ее невозможно долго выдерживать на фундаменте 19-й статьи Всеобщей декларации прав человека и просто личной порядочности. Допрос становится бессодержательным.

«Ну, что вы все воду в ступе толчете!» — заявил мне следователь, теряя терпение, поскольку мои героические усилия держатся презумпции его добросовестности показались ему просто издевательством над ним. И добавил: «Снова ничего по существу не отвечаете». Я ответил, что совершенно с ним согласен по первой части его заявления, что все эти допросы — сплошное толчение воды в ступе, что еще в самом начале допроса я говорил о том же, и что прекрасно, когда сама жизнь, в данном случае в форме протокола допроса, наглядно демонстрирует нашу с ним правоту. А в отношении второй части его заявления, я посоветовал рассматривать все мои ответы с точки зрения моего заявления о том, что интеллектуальная активность граждан не может быть предметом уголовного преследования. Все мои ответы как раз и выявляют эту самую сущность.

Как себя вести, когда застал соседа прильнувшим к замочной скважине твоей двери? Как быть гражданину, который обязывается законом быть свидетелем вмешательства КГБ в такую область человеческих отношений, которую следует законом оградить от подобных посягательств? Когда берешь соседа за шиворот, благо он стоит удобно нагнувшись, следует придерживаться презумпции невиновности — прежде всего потому, что может оказаться, что он в действительности не виноват и, во всяком случае потому, что твой приговор соседу, например, обструкция, будет огражден от обвинения в произволе и тем самым получит важную нравственную поддержку. Но допустима ли проекция этого принципа в форме презумпции добросовестности деятельности сотрудников КГБ и к каким результатам может привести этот принцип?

Два обыска и четыре допроса дают скорее отрицательный ответ. Однако придерживаться принципа презумпции доброй воли окружающих тебя людей, в том числе сотрудников КГБ, — это прежде всего вопрос мировоззрения и только потом вопрос методологии поведения. Так что пусть каждый решает сам и сам делает выводы.

Но вот общезначимая проблема, которая вытекает из моего опыта двух обысков и четырех допросов. — Уголовное преследование, как метод ограничения информационного обмена ставит гражданина в такие условия, когда уже невозможно, даже при всем желании, допускать добросовестность следователей государственной безопасности. А это уже прямая угроза внутренней безопасности государства. Уголовное преследование за информационный обмен должно быть исключено.

ОБЫСК 27-28 НОЯБРЯ 1974 ГОДА.

27 ноября вечером выхожу из кинотеатра. Смотрел французский детский детектив «Жил был полицейский». Более всего понравилась реплика двух американских гангстеров: «Такого еще с нами не случалось!»

На улице меня останавливает майор КГБ Шевчук с помощником и сажает в светлую «Волгу» (хорошо, что не в черную. Меня почему-то стало тошнить от обилия черных «Волг». Может быть потому что Волга символ России?). Привозят прямо к моему дому. Обыск начался в 20 ч. 10 м. (см. «Протокол обыска» от 27 ноября).

Стоим у входной двери. Я не открываю пока не покажут постановления на обыск. Чекисты уговаривают меня, но довольно вяло (мою личность они изучили). Звонят в дверь — открывают соседи. Перед входом в комнату та же история. До чего же они любят, чтобы любая глупость исполнялась добровольно. Показывают постановление. (Подписано прокурором Литвы, обыск по поручению КГБ при Совете Министров Лит. ССР по делу № 345). Открываю дверь. Входим. Предлагают выдать

добровольно. Что выдать-неизвестно, но главное — добровольно. Прошу разъяснить:

Следователь Юриков (старший на обыске): «Ну, вы же знаете, что нас интересует! Вот Альберта Кузьмича (Шевчука) ведь давно уже знаете».

Я: «Как облупленного!»

Затем, невольно стараясь сгладить свою резкую реакцию, добавляю:

«Ну, впрочем, он знает меня еще лучше».

В итоге выдавать что-либо добровольно, а тем более неизвестно-что, отказываюсь.

Начинается собственно обыск. Дело долгое и утомительное. Как всегда, пытаются параллельно провести непроцедурный допрос (наверное результаты такого допроса особенно ценятся в их внутренней жизни, хотя для следствия и суда никакого значения, разумеется, не имеют).

Вот несколько примеров:

1) — Андрей Николаевич, что это такое у вас?

— Разберетесь.

2) «Андрей Николаевич, что это такое?» — Следователь Юриков достает из вытащенной у меня из кармана записной книжки негатив одного кадра экспонированной пленки. Смотрит на свет, щурится, крутит так и сяк.

«Что здесь изображено?»

Беру у него негатив, также смотрю на свет, щурюсь и кручу так и сяк.

«Здесь изображена окружность».

Юриков: «А в середине ее что? Присмотритесь».

Я (смотрю и отвечаю): «А в середине ее светлая, тонкая полоса, идущая по диаметру».

Юриков: «Ну что-же это такое?»

Я: «Окружность это такая геометрическая фигура...»

Юриков (перебивая): «Что такое окружность я знаю. Но что это значит? Для чего это?»

Я (наклоняясь к нему ближе и шепотом, доверитель-

но): «Не берите ее, не надо».

Юриков резко выпрямляется. Опрос окончен. Окружность заносится в протокол.

3) «Андрей Николаевич, фотоаппарат заряжен?»

Я: «Да уж прямо не знаю, как вам ответить. Боюсь обмануть».

Фотоаппарат проверяют в сортире.

4) Из ящичка письменного стола достают деньги. Деньги лежали в двух кучках. Одна — скелета скрепкой с бумажкой, на которой скорописью (как они пишут в протоколе) имеется текст с фамилиями и адресами. Обе кучки идут на стол, куда кладут изымаемое для занесения в протокол.

Юриков: «Андрей Николаевич, что это за деньги?»

Я: «Советские».

Юриков: «Ну, это я вижу. А для чего они?»

Я: «Они обязательны к приёму на всей территории Советского Союза».

Юриков: «Это ясно. Но тут две кучки. Вот одна, это ясно — ваши деньги. Мы их вам оставим... (Уж не пытается ли он всучить мне взятку моими же деньгами?) Ну вот другая, с бумажкой, на которой написано что-то. Для чего вот они?»

Я: «Ну там же написано... (Юриков весь напрягся от внимания). 'Обязательны к приему на всей территории СССР'».

Юриков резко сдвигает все деньги в одну общую кучку. Очередной опрос окончен.

Часа через два я жалуюсь пришедшим поболеть за меня друзьям:

«Деньги-то все тю-тю, а до полочки еще ой как не скоро».

От стола отделяется сотрудник ГБ и приносит мне деньги. Все (!).

«Вот ваши деньги. А бумажку — то мы возьмем». Эта бумажка в качестве «документа-записи» будет обсуждаться на допросе 24 и 25 декабря.

Другой важный момент связан с появлением на обыске посторонних (для ГБ) лиц — моих друзей. По закону их можно обыскивать. На практике это несколько затруднительно в отношении пришедших женщин. Как правило, сотрудники ГБ — лица мужского пола, а обыскивать женщин могут только женщины. Часто один из понятых — женщина. Ее чекисты используют для обыска женщин, отказывающихся добровольно продемонстрировать содержимое карманов и сумочки. Использовать понятую с этой целью нельзя по закону. Но тому, вернее той, кто на это резко укажет следует помнить: чекисты вызовут женский наряд из ближайшего отделения милиции и тогда уже обыск будет очень жестоким и внешне унижительным. Такой оборот событий оправдан, хотя и не обеляет чекистов. Тот, кто защищает закон, должен на деле доказывать, что эта ценность для него выше других.

Все уже перерыто, пересмотрено. Все, что им нужно, лежит на столе. Кое-что оставлено на всякий случай — вдруг понадобится сделать еще один обыск, и, если не будет вдоволь пунктов «машинописный текст, начинающийся словами . . .», то выйдет накладка, смехотворный протокол. Юриков заполняет протокол. Это долго, нудно, а уже утро. Естественно возникает дискуссия по проблемам прав человека и деятельности ГБ. Я отмечаю, что обыск завершается интересным семинаром. И оказываюсь неправ. Весь диспут завершился обменом двумя репликами, точно выявившими предмет спора и всю бессмысленность обсуждения высоких материй с сотрудниками ГБ.

Майор КГБ А. К. Шевчук: «Мы же не вмешиваемся в вашу физику. Что бы вы сказали, если бы мы стали вас учить, как вам ею заниматься?»

Член-Корреспондент Академии Наук Армянской ССР Ю. Орлов: «Но мы никого не сажаем. Перестаньте арестовывать людей и никто не станет вмешиваться в ваши дела».

Обыск закончен в 6 ч. 45 м. 28 ноября. Дополнительно

об обыске смотри в Приложении «Заявление об обыске 27-28 ноября».*

7 ЧАСОВ УТРА 23 ДЕКАБРЯ.

Просыпаюсь от резкого звонка в дверь. Сердце мое ёкает и не обманывает — опять чекисты и опять с обыском. Обыск идет до 13 ч. 30 м. (см. приложение «Протокол обыска»). На этот раз никто из друзей не пришел (приходить, собственно, было некому — в Москве одновременно проходили обыски в пяти местах). Ничего интересного тоже не было, разве что характерная для чекистов попытка Шевчука (разумеется, он-то уж был) перейти со мной незаметно на «ты». Когда я достал очередную сигарету, он протянул мне зажигалку, говоря: «Прикури». Я отказался. Он спросил, почему. Я ответил, что главным образом потому, что мне не нравится, его обращение на «ты». «Конечно, — заметил я, — оснований перейти нам на «ты» гораздо больше, чем мне хотелось бы, но ведь, вы при исполнении служебного долга». Он не возражал.

После обыска говорят: «Одевайтесь, поедете с нами».

— Куда?

— В Лефортово.

— Зачем?

— Там узнаете.

Одеваюсь. Беру все необходимое. Затем встаю у двери и предлагаю применить силу, поскольку добровольно, по просьбе органов, идти с ними беседовать не намерен. После вялых препирательств выписывают повестку на допрос в качестве свидетеля.

Приехали. Следователь Харитонов. Начинает разговор с соответствующих статей УПК и УК. Дает оба кодекса для ознакомления. Открываю, пробую читать. Но тут меня охватывает такая тоска, что тут же закрываю обе эти полезные книги. Вспоминаю, что ничего не ел с утра, кроме чашки кофе и куска хлеба. Жалуюсь,

*) См. стр. 43.

что голоден и хочу обедать. Слегка подозревает — не обманываю ли я его. Звонит кому-то, чего-то спрашивает. Выясняет у меня некоторые подробности, то есть действительно ли у меня дома нечего было есть и тому подобное. В итоге отпускает обедать в сопровождении сотрудника, что был у меня на обыске. Обедаем в соседней студенческой столовой и возвращаемся обратно. Спрашивает, хорошо ли пообедал, и вообще ждет, чтобы я отметил хорошее отношение ко мне.

— Вот, — говорит, — а, вы, между собой как только нас не называете.

— Как (спрашиваю)?

— Ну, «гебисты», что ли.

— Так, что же здесь обидного, — говорю, — «чекисты», «гебисты». Вот и в кино и всюду — «чекисты», «чекисты».

Он задумался.

— Ну, все-же, это не то.

— Подождите, — говорю, — пройдет лет 10-20 и будут уже с гордостью говорить «гебист». Не все сразу.

Начинается допрос. Сначала устная беседа о «Хронике Католической церкви Литвы». Не знаю ли я такой, что могу сообщить. Говорю, что слышал.

— Откуда?

— Общеизвестный факт.

Удивляюсь, почему спрашивают об этом меня. Говорит, потому, что на обыске у меня изъяты три брошюры этой «Хроники» на английском языке. Я тут же начинаю возмущаться и говорю, что хочу предварить допрос заявлением по этому поводу. К счастью, он настойчиво возражает (я сам еще толком не знал, что я собираюсь писать) и подкупает меня предложение начать допрос по вопросам: «Вопрос» — «Ответ» в письменном виде. Сразу соглашаюсь.

Первый вопрос. Что я могу сообщить о причине моего вызова на допрос.

Долго формулирую ответ. Для упорядочения мыслей записываю его предварительно на бумажке, редакти-

рую и диктую окончательный ответ (в дальнейшем поступаю так при ответах на все протокольные вопросы):

«Мне ничего не известно об обстоятельствах, связанных с моим вызовом на допрос, кроме единственного — непосредственно перед вызовом на допрос у меня был произведен обыск по поручению КГБ при СМ Лит. ССР».

Ему ответ не нравится. Считает, что я трусливо скрываю известную мне причину — «Хронику Католической церкви Литвы». Ссылается на предварительную беседу. Я говорю, что это неправомерно, тем более, что этот протокол уйдет в Литву и по нему все должно быть ясно и тому подобное. Этот аргумент его сразу убедил. Он больше не возражает.

Переходим к следующему вопросу и к следующей странице протокола — первая кончилась. Я прошу дать мне прочитать первую страницу и замечаю, что после слов «допрашивается в качестве свидетеля по уголовному делу» имеется пропуск целой строки, а ниже и сбоку уже идет моя фамилия и паспортные данные.

Испутанно говорю: А-а . . . , вы даже не написали по какому уголовному делу я допрашиваюсь». И, меняя тон на великодушный, добавляю:

«Ну, ладно».

Он прямо-таки подскакивает в кресле:

«Ну, ладно? — Тоже мне начальство какое нашлось!»

Но спорить-то ему даже не о чем. Мое «ну, ладно» — это ведь, согласие, а не возражение. Успокаивается и диктует напечатанный на следующей странице вопрос:

«Вам предлагается сообщить все известное вам о так называемой 'Хронике Католической церкви Литвы'».

Та же долгая процедура составления ответа. Он деланно доволен:

«Ну, вот, мне и думать ни о чем не надо, — сиди себе, да печатай под диктовку. Прекрасно!»

Я тоже порадовался вместе с ним и продолжаю составлять ответ:

«Мне ничего не известно об обстоятельствах, могущих

иметь касательство к уголовному делу по так называемой 'Хронике Католической церкви Литвы'».

Ему опять не нравится ответ. Но, оставив спор по существу ответа, он отмечает мой плохой стиль:

«Что это, и в первом ответе «об обстоятельствах» и во втором «об обстоятельствах» — нехорошо».

Я с ним соглашаюсь, благодарю и изменяю ответ:

«Мне не известно ничего, что может иметь касательство к уголовному делу по, так называемой, 'Хронике Католической церкви Литвы'».

Теперь начинается долгий спор по существу ответа. Он утверждает, что я фактически отказываюсь отвечать и не хочу об этом прямо заявить. Я иду навстречу и дополняю ответ:

«На вопрос, что вообще мне известно о названной вами «Хронике Католической церкви Литвы», отказываюсь отвечать».

Он становится более доброжелательным и говорит, что если я выкину первую часть ответа, то все уже будет хорошо:

«А первую часть можно записать, — предлагает он, — в качестве мотивировки отказа».

Мы долго спорим. Я утверждаю, что первая часть очень существенна для следствия, что негативная информация — что такое-то лицо ничего не знает о том-то — на самом деле позитивна для следствия и так далее. Долгий экскурс в криминалистику. Мне все это не нравится и я заявляю, что выкидываю вторую часть ответа, написанную для его успокоения, и оставляю только первую, существенную для следствия. Тут он бросает неосторожную фразу:

«Не буду я заносить в протокол всякую чушь», — или что-то в этом роде.

«Воля ваша», — говорю я.

Переходим к следующему вопросу, но уже не печатает на машинке, а пишет с боку на бумажке, как и я. А что пишет — мне не известно.

Следующий вопрос: «Знаете ли вы о том, что «Хрони-

ка Католической церкви Литвы» распространяется на территории Советского Союза?»

Опять думаю над вопросом. Он пытается мешать:

«Что я вам-машинистка, что-ли? Так можно составить список вопросов, дать их машинистке и следовательно тогда не нужен».

Я с большим интересом вхожу в обсуждение этой темы. Говорю, что он неправ, что важны не только вопросы, но и изменение их и изменение порядка их следования.

«Вы согласны с этим?», — спрашиваю.

Он согласен. Экскурс в криминалистику закончен и я возвращаюсь к ответу.

Ответ: «Отказываюсь отвечать на этот вопрос, предвидя отказ следователя занести мой ответ в протокол, как он сделал это с моим ответом на его второй вопрос».

Он возмущен вообще, а в частности замечает:

«Откуда вы знаете, что я занесу в протокол, а что нет».

Я соглашаюсь, что он прав и, поблагодарив (это непременно), меняю ответ:

«Отказываюсь отвечать на этот вопрос, поскольку я имею основание считать, что мой ответ на этот вопрос не будет занесен следователем в протокол, также как и ответ на второй вопрос».

Он сохраняет невозмутимое спокойствие и без обсуждения следующий вопрос:

«Есть ли у вас знакомые проживающие в Литовской ССР?».

Мой ответ такой же как и предыдущий с удлинением окончания «... также как и ответы на второй и третий вопросы».

Следующий вопрос: «Бывали ли вы на территории Литовской ССР?» — «... также как и ответы на второй, третий и четвертый вопросы».

Вопрос: «Намерены ли вы отвечать по существу на поставленные вопросы?».

Ответ: «Я намерен отвечать по существу на все поставленные мне вопросы, как только отпадут основания считать, что следователь не намерен точно заносить мои ответы в протокол. Отмечу, что эти основания у меня появились после ответа на второй вопрос. — Мой ответ на второй вопрос следователь рассматривал как недопустимый для протокола. Считаю уместным повторить мой второй ответ: «Мне ничего не известно об обстоятельствах, могущих иметь касательство к уголовному делу по, так называемой, «Хронике Католической церкви Литвы». Считаю этот ответ ответом по существу».

Он дико недоволен и высказывает какую-то (не помню уж какую) претензию ко мне, дескать, какой же это я капризный недотрога. Тут я тоже возмущаюсь и говорю:

«А что же это вы думаете, два обыска и допрос — и все совершенная липа, по совершенно дутым поводам».

«А что же это, теперь и обыски у вас нельзя проводить!»

«Да уж воля ваша, но только ко мне претензии по этому поводу предъявлять нечего. И вообще, я собираюсь сделать заявление в протокол допроса».

«Какое?»

«Сейчас будет».

Долго думаю. Он молчит и не мешает. Заявление готово. Читаю.

«Заявление к протоколу допроса. Я протестую против метода допроса меня в качестве свидетеля по уголовному делу, проводимого следователем КГБ при СМ СССР Харитоновым. Мои ответы на вопросы следователь считает ответами не по существу. Я считаю свои ответы ответами по существу. Сам факт такого разногласия — не беда и не по этому поводу я заявляю протест. Протест я заявляю в связи с тем, что, начиная с первого вопроса, допрос следователем Харитоновым ведется следующим образом:

Он задает мне вопрос. Мой ответ его не удовлетворяет. После этого он затевает со мной спор о моем ответе и отдельные, устно сказанные мной слова произвольным образом заносит в качестве моего ответа. Меня беспокоит, что несмотря на мой отказ подписать такой фальсифицированный протокол, следователь Харитонов будет уверять, что записанные им в качестве ответов мои отдельные, произвольно сказанные слова и являются ответами на поставленные им вопросы. Это обстоятельство, хотя и не имеет процедурного значения для суда, тем не менее может сбить с толку следователей Литовского КГБ, по поручению которых и ведется допрос.

Я заявляю протест против такого метода ведения допроса.

23 декабря 1974 года, 18 ч. 30 м. А. Твердохлебов»

После слов «не беда» Харитонов не выдерживает и повторяет: «Не беда?». Я тоже повторяю, «не беда» и читаю дальше.

После зачитания протеста он спрашивает:

«Ну и как же мы будем дальше?»

«А дальше, — говорю, — мы будем так: я заносу свое заявление в протокол, а потом мы начнем допрос с самого начала».

Он снова затевает дискуссию и я вижу, как он что-то опять записывает себе на бумажку. Тут я вообще перестаю что-либо говорить.

Между прочим, уже совсем поздно. Пора кончать допрос. Он так и делает. Перепечатывает что-то со своей бумажки в протокол допроса и несет мне. Я мельком гляжу и даже не читаю, что же это он там написал. Собственноручно вношу свое заявление.

Несостоявшийся допрос окончился. Харитонов выписывает мне повестку на следующее утро 24 декабря, на 10 часов утра.

ДОПРОС 24 ДЕКАБРЯ

Харитонов печатает на машинке шапку протокола. Я спрашиваю разрешение заглянуть, что именно он печатает. Оказывается теперь я «допрашиваюсь в качестве свидетеля» и далее пропуск больше прежнего, как раз на длину слов «по уголовному делу».

Занудно тяну: «А-а . . . , вы опять не написали, по какому делу я допрашиваюсь. Знаете, как бывает: допрашивается человек в качестве свидетеля, а потом он оказывается обвиняемым?»

Харитонов (сердито): «Приведите факт».

Я: «Зачем приводить факт? Не хочу приводить».

Харитонов: «Нечего тогда голословно утверждать».

Я (жестко): «Я ничего не утверждаю голословно».

На этом беседа обрывается и далее идет очень формальный допрос, почти без устного обсуждения. Привожу почти дословно с краткими пояснениями.

Вопрос 1 (Харитонов вопросы не нумерует). «27-28 ноября 1974 года во время обыска, произведенного в вашей квартире были изъяты три брошюры на иностранном языке, озаглавленные соответственно: первая — «Христос за проволокой», «Хроника Католической церкви Литвы», № 5, 1973 г.; вторая — «Из глубины», «Хроника Католической церкви Литвы», № 6, 1973 г.; третья — «Из катакомб», «Хроника Католической церкви Литвы», № 4, 1972 г.¹⁾

Что вы можете сообщить по поводу этих брошюр?»

Ответ 1. «По поводу предъявленных мне трех вышеуказанных брошюр в соответствии и в уточнение моих ответов на допросе 23 декабря 1973 года²⁾, должен сообщить следующее: Эти брошюры прошлых лет оказались у меня не случайно, а в связи с моим интересом к проблеме гласной информации о правах чело-

1) Названия брошюр вписаны им от руки по английски — Примечание А. Твердохлебова.

2) Мне захотелось напомнить в этом протоколе о существовании вчерашнего неподписанного протокола — Прмм. А. Т.

века, в частности о преследованиях религий. Никакого отношения к уголовному делу № 345 (номер я узнал из постановления о производстве у меня обысков¹), возбужденному Литовским КГБ, данные брошюры издания Американской Лиги Литовских Римско-Католических Священников не имеют».

Вопрос 2. «Как к вам попали эти брошюры?»

Ответ 2. «Я затрудняюсь ответить на этот вопрос. Готов пояснить свои затруднения».

Вопрос 3. «Чем же вызваны эти затруднения?»

Ответ 3. «Эти затруднения вызваны тем, что я до сих пор не уяснил себе точно, по какому делу я являюсь свидетелем. В связи с этим, по устной просьбе следователя, сообщаю о том, что Верховный Суд совсем недавно отменил приговор на основании нарушения права на защиту, поскольку в рассмотренном им уголовном деле использовались показания обвиняемого, взятые у него в качестве свидетеля».

«Причем тут «по просьбе следователя»?» — возмутился Харитонов.

Я напомнил: «А вы же ведь просили меня не быть голословным и привести факт».

Он не спорил, и спросил только какой именно Верховный Суд и когда. Я ответил, что точно не помню, но хоть завтра готов принести ссылку (См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», № 4, 1974 г.).

Вопрос 4. «Вам еще раз²) разъясняется, что вы допрашиваетесь в качестве свидетеля по уголовному делу, возбужденному КГБ при Совете Министров Лит. ССР, по фактам нелегального изготовления и распространения так называемой «Хронике Католической церкви Литвы». Следовательно, основания, в связи с которыми вы затруднялись ответить на поставленный выше вопрос отпадают. Можете ли вы теперь пояснить от кого

1) Указание в скобках, откуда я узнал номер дела сделано по просьбе Харитонova.

2) Словами «еще раз» он пытается представить мои вчерашние претензии необоснованными.

вы получили вышеуказанные брошюры?»

Ответ 4. «Замечу, что во вчерашнем допросе следователь возражал против содержащегося в моих ответах указания о том, что я отвечаю на вопросы по уголовному делу, возбужденному по «Хронике Католической церкви Литвы» (см. мое заявление к протоколу допроса 23 декабря)¹⁾. В связи с этим, прежде чем отвечать на поставленный вопрос по существу, прошу²⁾ внести во вступительную часть протокола указание о том, что я допрашиваюсь в качестве свидетеля по разъясненному мне выше уголовному делу. По существу вопроса отвечаю следующее. Что касается изъятых у меня при обыске брошюр издания Американской Лиги Литовских Римо-Католических Священников, то я уверен в легальности этого издания. Поэтому я отказываюсь отвечать на этот вопрос, как не относящийся к разъясненному мне уголовному делу».

Харитонов: «Где легально? За границей?»

Я: «Ну, да, где издано».

Теперь хочет есть Харитонов и объявляет перерыв на обед (13 ч. 30 м.).

Допрос возобновляется в 14 ч. 30 м.

Вопрос 5. «Что дает вам основание судить об отсутствии связи между указанными брошюрами и «Хроникой Католической церкви Литвы»? Ведь в данных брошюрах излагается содержание номеров 4, 5 и 6 выпусков названной «Хроники»».

Вопрос что надо. Харитонов неплохо отобедал. Вопросу, правда, не хватает некоторой легкости для совершенства, он несколько тяжеловесен, но зато не без ехидства и тоже не без пародии на мои формулировки. Я впервые задумался. Однако, черт подери, мое дело правое. Надо только немножко подумать и будет ответ. А если он не понравится Харитонову, так он же мне и

1) Следовало внести ясность в его «еще раз» и напомнить о существовании «Заявления к протоколу допроса» 23 декабря.

2) В первоначальном варианте было «прошу, хотя и не настаиваю», но, по его просьбе, оставляю только «прошу». Он же мою просьбу не удовлетворил.

поможет доправить ответ, как это уже было не раз.

Ответ 5. «К сожалению, я не читал выпусков названной «Хроники». Полагаю, однако, что таковая существует, как и связь ее содержания с содержанием данных брошюр (номера 4, 5 и 6)¹⁾. Дополняю ответ. Зарубежное издание каких бы то ни было материалов, так или иначе опубликованных в Советском Союзе, не может, на мой взгляд, являться предметом возбуждения уголовного дела советскими органами дознания. Мне бы не хотелось участвовать в создании такого прецедента. По вопросу о том, как попала в издательство Американской Лиги Литовских Римо-Католических Священников названная «Хроника» я ничего сообщить не могу.²⁾ По вопросу о распространении на территории Советского Союза изъятых у меня брошюр я предпочел бы отвечать в ответе на соответствующий вопрос».³⁾

Вопрос 6. «Давали ли вы знакомиться с указанными брошюрами кому-либо из ваших знакомых».

Похоже, что от напряжения он забыл, что ранее вопрос-то был совсем другой. А жаль! Протокол многое от этого потерял. Думаю, что по крайней мере целую страницу моего текста.

1) Первоначально я этим и ограничился. Возникла небольшая дискуссия. Он убедил меня в необходимости дополнить ответ. Первоначально далее следовало «по просьбе следователя дополняю ответ». Он попросил меня убрать «по просьбе следователя». Я согласился и на это.

2) Презумпция доброй воли следователя уже вступила в явное противоречие со статьей 19 Всеобщей декларации прав человека о свободе информации. К стыду своему, я на самом деле почти забыл о принципе свободы информации, увлекшись внутренней логикой этого интересного допроса. Харитонов оказался более деликатным в этом вопросе — не случайно он просил меня снять слова «по просьбе следователя». Тем более стыдно. Однако, нет хуже без добра — изложенные в преамбуле этого текста утверждения получили наглядное доказательство.

3) Похоже что это можно назвать наводящим ответом. Следователю приходится выбирать — либо задавать вопрос уже совершенно очевидно не относящийся к делу и к тому же просто неприличный, либо отказаться от общего принципа своего ведомства выяснять все, что только можно и, тем более, когда эти сведения даются добровольно. Он пытается уйти от этого выбора и советует: «Ну, если говорите, что хотите что-то сообщить, то сообщайте».

Но здесь я неумолим.

«Я выразил только готовность отвечать, но если это вас не интересует, то не буду. Задавайте вопрос, если хотите».

Ответ 6. «Я не давал, насколько помню, эти брошюры никому из моих знакомых. Впрочем, они открыто стояли на полке и кто-либо в принципе мог их видеть».

Вопрос 7. «Вам предъявляются следующие машинописные документы, изъятые на обыске (перечисляются шесть текстов), в которых изложены сведения, относящиеся к Литве (я плохо помню точную формулировку этого и следующего вопросов — устал). С какой целью вы их хранили? Кто их вам передал? Кем исполнены в некоторых из них рукописные правки и дописки? Давали ли вы эти документы кому-либо из своего окружения?»

Я прошу ознакомить меня с документами. Внимательно читаю и к стыду своему выясняю, что даже о существовании некоторых из них забыл совершенно. Отчасти меня извиняет давность изложенных в них сведений.

Ответ 7. «Все предъявленные мне документы для ответов на вопросы о них относятся ко времени 1971 года и ранее. Хранил я их в связи с воим давним интересом к проблеме прав человека. Когда, от кого они ко мне попали и при каких обстоятельствах¹⁾ — не помню совершенно. Кем исполнены в некоторых из них рукописные правки и дописки — не знаю. Почти наверняка с этими документами я никого не знакомил. Вряд ли бы я тогда забыл о том, как они ко мне попали и вообще, что они существуют у меня».

Опять уже вечер. Харитонов спешит закончить.

Вопрос 8. «Вопрос этот помню совсем плохо. Идет перечень рукописных документов, изъятых у меня на обыске (среди них та бумажка, что была подколата к деньгам — см. описание обыска 27-28 ноября), и вопросы: «кому принадлежат?», «кем написаны?», «как оказались у меня?» и «с какой целью хранились?».

Прошу ознакомить меня с ними и опять-таки долго изучаю.

¹⁾ По поводу слов «когда, от кого и при каких обстоятельствах» Харитонов меня похвалил: «Вот, же можете отвечать четко и как следует!»

Ответ 8. «Эти записи, содержащие, главным образом, фамилии и адреса, — мои. На вопросы «кем они написаны?», «как у меня оказались?» и «с какой целью хранились?», — отказываюсь отвечать».

Вопрос 9. «Почему?»

Ответ 9. «Ни цель написания этих записей, ни цель их хранения не имеют отношения к указанной выше «Хронике Католической церкви Литвы».

Уже совсем поздно. Допрос окончен. Замечаний нет. При подписании протокола, по просьбе следователя, вписываю фразу, что все мои ответы по моей просьбе записаны дословно.

Следователь выписывает мне повестку на завтра на 10 ч. утра.

ДОПРОС 25 ДЕКАБРЯ.

Вопрос 1. «Вы отказались отвечать вчера на вопрос о документах-записях, изъятых у вас на обыске, мотивируя это тем, что они не имеют отношения к «Хронике Католической церкви Литвы». Вы показали на допросе 24 декабря, что не читали этой «Хроники». Какие же у вас есть основания считать, что изъятые у вас документы-записи не находятся в связи с этой «Хроникой»?»

Ответ 1: «Таким основанием является известная мне цель хранения этих моих документов-записей.¹⁾ Дополнительное основание — в этих записях нет ни слова о религиозных преследованиях Литовской Католической церкви. Если эти основания кажутся неубедительными, то я готов непротокольно сообщить цель хранения этих записей. Надеюсь, что после этого со мной согласятся, что давать какие-либо показания по этим записям (про-

1) Следующее далее дополнительное основание и повторение, как и 24 декабря «наводящего ответа» в более неудобной для следователя форме я сделал после навязанной мне дискуссии о том, что моя первая часть ответа неубедительна.

только или непротокольно), вообще говоря недопустимо».

Не успел Харитонов перепечатать и половину моего ответа, как зазвонил телефон, и он, пригласив другого сотрудника, вышел куда-то. Вернулся озабоченный и сказал, что допрос придется прервать.

Я сказал: «Сожалею».

Он: «Я тоже сожалею».

При подписании протокола я внес замечание:

«Считаю допрос незаконченным». Фраза о том, что ответы занесены дословно по моей личной просьбе опять завершила протокол».

ДОПРОС 9 ЯНВАРЯ 1975 ГОДА.

Повестка пришла по почте, на бланке УКГБ города Владимира и Владимирской области. Мои предположения, что этот допрос — по делу Владимира Осипова оправдались.

Начало допроса. Мои данные-диктую из паспорта, год рождения, номер паспорта, прописан в Лялином переулке, дом 12 «А», кв. 1, холост, и тому подобное. Предупреждение об ответственности. Далее все как у них положено — устный опрос, следователь Чупров делает пометки на отдельной бумажке. Я, несмотря на прошлый опыт, не настаиваю на том, чтобы сразу перейти к протоколу по принципу: «вы заносите вопрос — я диктую вам ответ». Похоже, что ничто не в силах заставить меня отказаться от презумпции доброй воли собеседника, в каком бы качестве он ни выступал.

— Давно ли познакомились с Осиповым?

— Давно. Точно не помню когда и где. Повидимому, вначале были случайные встречи, а потом уж встречались именно друг с другом.

— О чем беседовали?

Я переспрашиваю. Следователь уточняет:

— Имели ли ваши беседы отношение к издаваемому Осиповым журналу «Вече»?

— Разумеется, имели.

— Расскажите о содержании ваших бесед.

— Мы обсуждали проблемы русской культуры, христианства, будущего России — это как раз те вопросы, которые обсуждал журнал «Вече», так что наши беседы имели прямое отношение к изданию журнала.

На этот раз я забыл о статье 18 Декларации, о праве человека на убеждение. Давать показания службе безопасности по вопросам, связанным с убеждением человека, — значит уже отступить от принципа свободы убеждений. Но может быть следователь меня подправит?

Нет, наоборот, он просит описать поконкретнее наши беседы. Я говорю, что это трудно. Тогда он, повышая интонацию, заявляет что-то вроде:

«Как с Осиповым беседовать, так было легко, а как отвечать на допросе — так сразу стало трудно?»

Я пытаюсь объяснить. Даю показания, что Осипов — христианин и я — христианин (опять таки статья 18!) и что, естественно, если мы беседовали о христианстве.

— Вы верите в Бога?

Он явно не верит ни в Бога, ни свидетелю. Пытаюсь достать и показать ему свой крестик.

«Но как же, вы, ведь, физик, инженер?»

И тут начинается острая дискуссия о связи науки и религии. Мы, перебивая друг друга, сыпем стандартные аргументы. Я, забывая все принципы, начинаю упоминать на допросе фамилии известных мне людей: Коперник, Ньютон, кажется еще Д. Бруно и так далее. Минуты через две-три я опомнился и, меняя темп беседы, медленно говорю:

«Мы с вами очень интересно беседовали. Это прекрасная иллюстрация наших бесед с Осиповым. Но как это записать в протокол — я не знаю. Может быть вы знаете?».

Он тоже не знал! Статья 18 восторжествовала вопреки нашим обоюдным усилиям. Но всегда ли так бывает? Больше следовательно к этой теме не возвращался.

Задается вопрос о размножении и распространении журнала «Вече».

Ответ (как он выглядел уже потом в протоколе). «Мне известно, что в журнале «Вече» обсуждались вопросы, связанные с русской культурой, христианством, будущим России. Я читал некоторые номера, не менее трех. Точно помню, что читал № 5 журнала. Ничего о конкретных действиях Осипова по размножению и распространению журнала «Вече» мне не известно, если не считать нескольких общесизвестных фактов, связанных с действиями властей по пресечению размножения и распространения журнала. От кого именно я получил те номера журнала, которые читал, и кому затем передал — отказываюсь отвечать. Лично в деятельности журнала не участвовал».

Далее вопрос о статье Э. Фегелина «О Гегеле — исследование чародейства», которая была опубликована в «Вече» № 5 и где указано, что перевод сделан А. Твердохлебовым.

Я объяснил, что прекрасно знаю, как трудно издавать самиздатский журнал — сам издавал — что положение редактора и выбор им правильной позиции, особенно в условиях содержания под стражей, — фантастически затруднены и давать какие-либо показания, не зная позиции Осипова, не могу. Ну а то, что эта статья не имеет никакого отношения к клевете, так это совершенно очевидно.

— Но это ваш перевод в журнале «Вече»?

— Я переводил такую статью Э. Фегелина. А тот ли перевод в журнале «Вече» — это уже вопрос другой и к уголовному делу отношения не имеет.

Затем в протоколе он решил чуть-чуть нажать на меня вопросом:

«Что вы можете сказать о причинах появления в журнале «Вече» № 5 статьи Э. Фегелина «О Гегеле —

исследование чародейства», где указано, что перевод сделан А. Твердохлебовым?»

Вначале он сформулировал окончание вопроса так: «... перевод, который сделан вами». Я попросил его быть более аккуратным в формулировке и он согласился.

Ответ. «Насколько я помню, в журнале «Вече» № 5 статье Э. Фегелина предшествует пояснение редакции о причинах ее публикации. На вопрос не было ли у меня договоренности с редакцией по поводу появления моей фамилии в журнале и какой характер носила эта договоренность — отвечать отказываюсь. Очевидно, что здесь нет предмета для уголовного дела о клеветнических измышлениях».

Вопрос. «Знакомы ли с Мельниковой С., Овчинниковым И. В., Хмелевым Е. Н., Хмелевой А. Н., Чердынцевым И. А.?»

Отвечаю, что считаю такие вопросы проявлением интереса непосредственно к моим знакомствам и потому отказываюсь отвечать. Эта же фраза и была в протокольном ответе после первого же вопроса о знакомствах.

Еще вопросы и ответы о знакомствах.

Вопрос. «Известен ли вам Ланда Борис? Не передавали ли вы ему журналы «Вече»?».

Ответ. «Отказываюсь отвечать. Причины отказа сообщены выше».

Вопрос. «Что вам известно об участии в издании, размножении и распространении журнала «Вече» лиц: Мельниковой С., Овчинникова И. В., Хмелевой А. Н., Хмелева Е. И., Чердынцева И. А.?»

Ответ. «Сведения, которые я могу сообщить в отношении этих лиц, являются косвенными и сомнительными свидетельствами об их участии в распространении и

издании журнала «Вече» — мне известно, что все эти лица допрашивались по делу о «Вече»»

Он почему-то подтвердил мои показания (устно).

«Да, верно. Правильно все знаете. Все они допрашивались».

А затем попросил изменить редакцию ответа. После «тире» в ответе было «именно, мне известно...». Он просил «тире» убрать, «именно» убрать, поставить в этом месте точку и дальше с большой буквы «Мне известно». Достигнутый компромисс зафиксирован в приведенном выше ответе.

Кажется, именно в этот момент допроса произошло странное событие, несколько разрядившее напряжение допроса. С ужасным грохотом взорвалась бутылка с пивом, стоявшая на полу в углу кабинета. С соответствующим ужасом я закричал тут-же:

«Это не я!»

И почему-то вспомнил, что вчера ночью в Москве в январе месяце была гроза.

Чупров (трагическим шепотом, медленно, выговаривая слова):

«Что это такое?».

Я подхожу к месту происшествия, изучаю и сообщаю результаты исследования:

«Это пиво «Жигулевское»! Странно, что бутылка взорвалась. Пиво свежее, от 6-го числа. Впрочем, — как всегда стараюсь быть точным в показаниях, — может быть, это число прошлого месяца и, значит, прошлого года».

Чупров: «Откуда здесь взялось пиво?»

Я (успокаивая его): «А у меня на допросах всегда что-нибудь такое происходит. Как-то раз пропал стакан из кабинета следователя. Был, я из него пил воду, и пропал начисто. Так что я уже привык. Это ничего».

Чупров (успокоился): Ну ладно, убирать не будем.

Пусть хозяину будет хуже» (Чупров — следователь приезжий и допрашивал меня в чужом кабинете).

Но может быть, я ошибаюсь и взрыв произошел после обсуждения статьи «О Гегеле — исследование чародейства» — не помню.

Опять уже поздно и опять следователь торопится. Вопросы об изъятых у меня документах он объединяет в один:

«Во время проведенных у вас обысков 27 ноября и 23 декабря 1974 года были изъяты документы за подписью Осипова В. Н. Расскажите когда и от кого вы получили их?».

Ответ. «Готов отвечать на подобные вопросы конкретно по каждому из указанных документов».

Следователю не хочется дробить вопрос и он дополняет свой предыдущий вопрос указанием двух конкретных документов. Мой ответ пропадает втуне — сам виноват, надо было подождать когда он внесет вопрос в протокол.

Отвечаю: «Прошу меня ознакомить с этими документами».

Тут-то он и высказался о толчении воды в ступе, о которой упоминается в преамбуле этого текста. Знакомить меня с документами он не хочет и предлагает мне в качестве ответа формулировку: «До ознакомления с этими документами отказываюсь отвечать». Я согласился.

Были еще какие-то вопросы, но помню их плохо. Я себя неважно чувствовал. В заключение протокола — мое дополнение:

«В дополнение, по поводу личности Осипова В. Н. сообщаю свое мнение, что его интеллектуальная активность в отношении проблем русской культуры ни в коем случае не должна быть предметом уголовного преследования».

Протокол подписывается. Я выхожу на улицу Дзержинского.

Конец.

ПРИЛОЖЕНИЯ:

1. Протокол обыска от 27-28 ноября 1974 года.¹⁾
2. Заявление об обыске 27-28 ноября от 28 ноября 1974 года.²⁾
3. Заявление по поводу ареста В. Осипова от 30 ноября 1974 года.³⁾
4. Протокол обыска 23 декабря 1974 года.⁴⁾
5. Заявление Руденко от 26 декабря 1974 года.⁵⁾

ЗАЯВЛЕНИЕ НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА ПО НАДЗОРУ ЗА СЛЕДСТВИЕМ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ СССР П. М. САЛОНИНУ

В ответ на мое заявление на имя Генерального Прокурора СССР от 26 декабря 1974 года⁵⁾ я получил приглашение в прокуратуру для устного разъяснения. Беседу со мной проводил прокурор Вашего отдела Илюхин М. И. При обсуждении той части моего заявления, в которой говорится (последний абзац первой страницы) «мне кажется очень вероятным, что следствие хочет добиться от прокуратуры санкции на возбуждение дополнительного отдельного уголовного дела по неправомерным основаниям, ссылаясь на созданные им искусственно отказы свидетелей отвечать на неправомерные вопросы», прокурор Илюхин М. И. стал излагать мне основные моменты уголовной ответственности при отказе от показаний обвиняемого, подозреваемого и свидетеля. Напомнив мне о существовании статьи 182 УК РСФСР («Отказ или уклонение свидетеля... от дачи

1) См. стр. 46 настоящего сборника.

2) См. стр. 43 настоящего сборника.

3) См. стр. 58 настоящего сборника.

4) См. стр. 66 настоящего сборника.

5) См. стр. 64 настоящего сборника.

показаний...»), прокурор Илюхин М. И. сообщил, что ничего незаконного в возбуждении уголовного дела за отказ от дачи показаний нет, поэтому «мы, — сказал Илюхин М. И., — и арестовываем в необходимых случаях за отказ от дачи показаний».

Я напомнил, что эта статья не допускает предварительного заключения под стражу, потому что ею не предусматривается в качестве санкции лишение свободы. Прокурор Илюхин мне не поверил. Убедился он в моей правоте после того как достал сам Уголовный кодекс. После этого беседу продолжать стало бессмысленно ввиду явной некомпетентности собеседника по данному вопросу. Прокурор Илюхин сказал также, что ему было поручено выяснить только мои личные претензии, а что вышеуказанную часть моего заявления внимательно изучает Вы сами Начальник Отдела.

Прошу Вас при внимательном изучении моего заявления вышеприведенную в нем фразу заменить теперь на следующую (до слов «конец первой части заявления»):

«У меня имеются основания полагать, что при ведении уголовных дел по статьям 70 и 190-1 УК РСФСР и аналогичным статьям УК союзных республик органы КГБ инициировали поручную практику, когда на основании созданных следователями искусственно отказов свидетелей отвечать на неправомерные вопросы, прокуратура дает органам КГБ санкцию на привлечение данного свидетеля в качестве обвиняемого по тому же или аналогичному отдельному уголовному делу.

Эти основания:

1. Изложенное в моем заявлении от 26 декабря 1974 года.

2. Беседа с прокурором Илюхиным М. И. Прокурор, даже не знающий УК, но работающий в прокуратуре СССР, как говорится «дело-то свое знает». То есть [он] знает, что реально людей арестовывают *после отказа от дачи показаний*.

3. На процессе М. Хейфеца в ленинградском суде произошел следующий обмен репликами между свидетелем по этому делу Марамзиным и председательствующим судьей (не дословно, но точно по сути):

«Марамзин — Товарищ Судья! Какая максимальная ответственность может наступить для свидетеля за отказ от дачи показаний?

Судья — 7 лет».

То есть, Судья назвал максимальную санкцию, предусмотренную статьей 70, по которой обвинялся Хейфец, а Марамзин был свидетелем, и по которой теперь уже сам Марамзин предстанет перед судом, как обвиняемый.

4. Арест С. Ковалева 27 декабря 1974 года по постановлению Литовского КГБ с обвинением по статье УК Лит. ССР, аналогичной статье 70 УК РСФСР. За несколько дней до этого С. Ковалев допрашивался свидетелем по уголовному делу, возбужденному Литовским КГБ по той же самой статье УК Лит. ССР и отказался давать показания по принципиальным основаниям». Конец первой части заявления.

Во второй части данного моего заявления я выступаю с предложением, чтобы в следующей пятилетке исключить уголовные преследования граждан за информационный обмен, а уже в этом 1975 году, последнем году этой пятилетки, ввести следующие, ограничивающие уголовное преследование граждан со стороны органов КГБ, правила:

При истребовании у прокуратуры санкции на возбуждение уголовного дела, арест или проведение обыска по статьям 70 и 190-1 УК РСФСР и аналогичным статьям УК союзных республик.

1. Непременным основанием должно являться существование в пресекаемых для распространения текстах прямых призывов к насильственному свержению или ослаблению существующего строя; в отношении клеветнических текстов основанием может служить наличие

в этих текстах только тех фактов, ложность которых была выявлена советской печатью, то есть оснований на наличие заведомой ложности распространяемых сведений. В обоих случаях требование санкции должно сопровождаться оценкой существенности масштаба распространения.

2. Для проведения обыска по уже возбужденному по указанным выше основаниям уголовному делу должны быть представлены независимые для каждого случая и конкретные в отношении места проведения обыска основания аналогичные изложенным выше.

3. Для ареста лица по уже возбужденному по указанным в пункте 1 основаниям уголовному делу должны быть представлены независимые для каждого случая и конкретные в отношении данного лица основания, аналогичные изложенным в пункте 1. Отказ свидетеля от дачи показаний по уже возбужденному уголовному делу не может служить основанием для получения санкции на арест свидетеля.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 года «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан» направлен на развертывание общественной активности масс, на вовлечение их в принципиальное и компетентное обсуждение всех вопросов советской жизни. Этот Указ позволяет мне требовать от Вас в тех же целях письменного ответа о решениях принятых по моему заявлению и по моему предложению — по обеим частям моего письма.

21 января 1975 года.

А. Твердохлебов

ОТВЕТ ИЗ ПРОКУРАТУРЫ СССР

28 января 1975 года

№ 13/42-75.

Ваше заявление от 21 января 1975 года рассмотрено. Разъясняю, что следственные органы в уголовном судопроизводстве строго руководствуются нормами действующего

ющего материального и процессуального законодательства.

Осуществление надзора за точным исполнением законов, в том числе и в области следствия, составляет главное содержание деятельности прокуратуры.

Законодательная власть в СССР осуществляется исключительно Верховным Советом СССР.

Старший помощник Генерального Прокурора СССР,
Государственный советник юстиции 2-го класса,

П. М. Салонин

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР Н. В. ПОДГОРНОМУ

Нынешней зимой органы КГБ предприняли очередной тур массированных действий по пресечению неконтролируемого властями информационного обмена по проблеме прав человека, неправомерно используя с этой целью уголовное законодательство. Изучение материалов и документов, связанных с этой деятельностью КГБ приводит к весьма тревожному выводу: КГБ претендует на монопольное право в отношении информации по правам человека и утверждает его с помощью неблагоприятных методов.

Вот два наиболее острых момента.

1. Арест граждан, отказывающихся признать правомерность использования законов в целях утверждения монопольного права КГБ в отношении информации по проблеме прав человека (этот вопрос внимательно изучается в Прокуратуре СССР Начальником отдела по надзору за следствием в органах КГБ Салониным П. М.).

2. Обыски, на которых изымаются все информационные материалы по правам человека, когда в качестве

запрещенных к обращению (а что является запрещенным к обращению узнать невозможно) изымались даже такие материалы как перечень изъятого в качестве запрещенного к обращению на других обысках.

Мы призываем Вас оградить граждан Советского Союза от такой активности КГБ. В конце концов аппарат КГБ должен справляться с задачей быть вне конкуренции по вопросам информации без того, чтобы расправляться с конкурентами с помощью неправомерного использования уголовного законодательства.

Это важно и потому, что в последнее время все большее значение приобретает межнациональная несправедливая защита прав человека и соответственно межнациональный обмен информацией. Успехи здесь многообещающие — например, освобождение Генерального секретаря компартии Уругвая, Арисменди и ряда деятелей бывшего правительства народного единства Чили. Страны, которые стремятся внести здесь свой вклад должны заботиться о выполнении в полном объеме положения статьи 19 Всеобщей декларации прав человека. Нынешняя зимняя активность КГБ ставит под сомнение реальные возможности и моральное право граждан Советского Союза вносить свою лепту в международную защиту прав человека на гуманистической и внеполитической основе и это особенно волнует нас, как членов организации Международная Амнистия.

26 января 1975 года

*А. Твердохлебов,
В. Турчин,
Ю. Орлов,
В. Альбрехт.*

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Ответ П. М. Салонина пришел необычно быстро. Его поспешность согласуется, если не прямо связана, с моим, увы поспешным, заключением, что П. М. Салонин

«внимательно изучает этот вопрос» (см. письмо Н. В. Подгорному от 26 января и заявление П. М. Салонину от 21 января). Если считать, что Старший помощник Генерального Прокурора СССР, Государственный советник юстиции 2-го класса «внимательно изучил мое заявление», то придется сделать вывод, что в вопросах права он столь же некомпетентен, как и его подчиненный М. И. Илюхин.

Фразу «законодательная власть в СССР осуществляется исключительно Верховным Советом СССР» следует, очевидно считать ответом на вторую часть моего заявления от 21 января. И тогда она означает что мои предложения, изложенные там, сводятся к изменению законов. Принятие их находится вне компетенции прокуратуры и с ними надо входить в Верховный Совет СССР. Однако принятие моих предложений не выходит за рамки компетенции Отдела Прокуратуры СССР по надзору за следствием в органах государственной безопасности, потому что не требует изменения закона, а прямо опирается на положения статьи 7 Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» от 25 декабря 1958 года (статья 70 УК РСФСР соответственно) и статьи 7 часть 2 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (статья 7 часть 2 УК РСФСР соответственно). В компетенцию П. М. Салонина на основании статьи 17 пункт 2, статьи 19 пункты 1 и 2, а главное статьи 18 часть 2 Положения о прокурорском надзоре (утвержденного 24 мая 1955 года Президиумом Верховного Совета СССР) как раз входит решение вопроса о соответствии закону уголовно-процессуальных действий, возбуждение уголовного дела, ареста и обыска. Поэтому Салонин должен был ответить, либо, что принятие моих предложений означает такое толкование статьи 7 Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления», которое невозможно в силу сложившейся к настоящему времени практики расширительного ее толкования, либо, что эти предложения

формально не следуют из Закона, сославшись, например, [на то] что в статье 7 Закона СССР от 25 декабря 1958 года нет имеющихся в моем предложении слов «советская печать» и «масштаб распространения».

Последнее было бы также формальной отпиской поскольку оценка масштаба распространения клеветнических измышлений требуется на основании статьи 7 часть 2 Основ УС¹⁾, где говорится: «не является преступлением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но, в силу малозначительности, не представляющее общественной опасности». То же самое следует отнести и к вопросу о необходимости публикации в советской прессе. Если советская печать, призванная смело обсуждать все значимые общественные проблемы, не придает значения распространению в обществе каких-либо сведений — значит они опасны, разве что для отдельных заинтересованных лиц, например для КГБ, но никак не для общества и государства в целом. А в той мере в какой интересы КГБ, или другого государственного учреждения, являются частью интересов государства в целом, в такой же мере сообщения этих учреждений в советскую прессу будут публиковаться и обсуждаться. Выдвижение советской печати на первое место в борьбе государства с нежелательными для него аспектами информационного обмена и отход от практики применения с этой целью уголовного законодательства соответствовало бы провозглашенному лозунгу дальнейшей демократизации нашего общества. Поддерживая свою точку зрения, я, помимо статьи 7 часть 2 Основ УС, сошлюсь еще на существенную и я бы сказал социально-этическую проблему: допустимо ли вообще преследовать граждан за распространение каких бы то ни было сведений в таком государстве, где все средства массовой информации находятся под строгим контролем государства? Но об этом

1) УС — Уголовное судопроизводство.

в соответствии с разъяснением П. М. Салонина следует писать уже действительно в Верховный Совет СССР и кстати сказать надо писать.

На этом я закончу навязанное мне обсуждение проблемы присечения информационного обмена с помощью уголовного законодательства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выводы из данного экспериментального исследования вопроса о презумпции добросовестности следователей КГБ я делаю следующие:

1. Как бы ни казалась естественной в качестве личной позиции гражданина такая презумпция, следование ею не допустимо распространять до сколь угодно слабой формы навязывания ее другим лицам. В частности, этически недопустимо давать показания на других лиц и даже просто упоминать фамилии, не названные уже следователем. Похоже, что в случае особого интереса властей к этим лицам для производства у них обыска, возбуждения против них уголовного дела и ареста не понадобится более существенных оснований, чем ваши показания.

2. Отказ давать свидетельские показания может стать основанием для привлечения вас в качестве обвиняемого по тому же или аналогичному делу. Подобные суждения с квази-правовыми аргументами типа «отказ от показаний рассматривается как соучастие» ходят уже давно. Их неоднократно подтверждали сами следователи своими угрозами (см. например казус Е. Сиротенко — свидетеля по армянскому делу). Диалог с Прокуратурой СССР только подтвердил это мнение.

9 февраля 1975 г.

А. Твердохлебов

ЗАЯВЛЕНИЕ В УПРАВЛЕНИЕ КГБ г. ВЛАДИМИРА

Я получил повестку, которая вызывает меня

«... к 10 час. 10 апреля 1975 г. в качестве свидетеля. По адресу: г. Владимир, ул. 3-го Интернационала, дом № 68, управление КГБ, просить Чупрова».

Прошу вас не вызывать меня более в качестве свидетеля по делу № 38. На прежнем вашем допросе в Москве я шел навстречу вашим вопросам более, чем следовало, и нахожу его исчерпывающим в отношении моей роли свидетеля в этом деле. Если же, тем не менее, вас он не удовлетворил, то это по той простой причине, что само дело № 38, по моему убеждению, не допускает обвинительного заключения для В. Осипова.

Можете приобщить это мое письмо в качестве заявления об отказе от дачи показаний по указанной выше причине. Кстати, дело № 38 представляется мне довольно чистым случаем для проверки правильности одной моей гипотезы, по которой я вел дискуссию с прокуратурой СССР нынешней зимой.

В остальном с уважением

9 апреля 1975 г.

А. Твердохлебов

**5. Дело о пишущей машинке, КГБ
и советском гражданском
судопроизводстве**

ЗАЯВЛЕНИЕ В КГБ ЛИТОВСКОЙ ССР

По поручению КГБ при СМ Лит. ССР у меня были произведены обыски 27 ноября 1974 года органами УКГБ по городу Москве и Московской области и 23 декабря 1974 года органами КГБ при СМ СССР (кстати я рассматриваю оба обыска, как неправомерные). От первого обыска до второго прошло менее месяца. Приятно, что вам понадобилось столь недолгое время, чтобы разобраться, в том что результаты первого обыска вас не удовлетворили. Прошло еще столько же времени, и я напоминаю вам о необходимости вернуть изъятые вещи.

Особенно я прошу, в первую очередь вернуть мне пишущую машинку марки «Эрика», № 187502 (пункт 1 перечня изъятия в протоколе обыска от 23 декабря 1974 года¹). Эта машинка — не моя, и мне надо срочно вернуть ее хозяину. Я готов даже оплатить почтовые расходы по отправлению машинки по почте для ускорения дела. Прошу отправить ее по почте с наложенной оплатой пересылки. Оплату гарантирую.

21 января 1975 года

А. Твердохлебов

ОТВЕТ ИЗ КГБ ЛИТОВСКОЙ ССР

28 января 1975 г.
№ 4/Т-3

Гражданину Твердохлебову А. Н.
[адрес]

На ваше заявление от 21 января сего года сообщаем, что вопрос о вазвращении изъятых у вас при обысках предметов будет решен в процессе следствия. В настоящее время решить этот вопрос не представляется возможным.

Старший следователь КГБ при СМ Лит. ССР
Лазаревичус

1) См. стр. 66.

ИСКОВОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

В Калининский районный народный суд
г. Москвы

истец: Крючков Николай Николаевич,
проживающий по адресу: Москва,
М-452, Черноморский бульвар, дом 7,
корпус 2, кв. 124.

ответчик: Твердохлебов Андрей Николаевич,
проживающий по адресу:
Москва, 103062, Лялин пер., 12 «А», кв. 1.

30 ноября 1974 года я дал А. Н. Твердохлебову по его просьбе во временное пользование принадлежащую мне пишущую машинку системы «Эрика» с условием, что он вернет ее по первому требованию. 10 января 1975 года я попросил А. Н. Твердохлебова вернуть мне машинку. Он ответил, что не может этого сделать. Еще несколько раз я обращался к нему с такой же просьбой и получал отказ. Бюро Товарных Экспертиз оценило пишущую машинку в 150 рублей. Прошу Народный суд своим решением обязать гражданина Твердохлебова А. Н. вернуть принадлежащую мне пишущую машинку, а в случае невозврата взыскать с него в мою пользу стоимость машинки в сумме 150 рублей, а также судебные издержки.

31 января 1975 года

Н. Н. Крючков

Прилагаемые документы: Исковое заявление в 2-х экз.
Экспертное заключение
Бюро Товарных Экспертиз,
№ 0660

РЕШЕНИЕ

Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 17 февраля 1975 года.

Калининский районный суд города Москвы в составе председательствующего народного судьи Гусева, А. Ф., и народных заседателей Алешиной и Филатова при секретаре Волковой, рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело № 2-322/4 по иску Крюкова Николая Николаевича к Твердохлебову Андрею Николаевичу об истребовании личной собственности,

УСТАНОВИЛ:

Истец просит обязать ответчика передать ему личную собственность, пишущую машинку «Эрика» стоимостью в 150 рублей. Свое исковое требование истец основывал тем, что ответчик в ноябре 1974 года получил у истца во временное пользование вышеуказанную машинку с обязательством ее возврата не позднее января 1975 года. Ответчик пишущую машинку не возвратил. Ответчик иск признал, пояснив, что получил от истца в ноябре 1974 года пишущую машинку «Эрика» во временное пользование, но ее истцу не вернул, так как ее у него нет. Суд, выслушав представителей истца, ответчика, исследовав материалы дела, находит иск подлежащим удовлетворению. Из объяснений представителей истца и ответчика, [из] материалов дела установлено, что истец предоставил в пользование ответчика в ноябре 1974 года пишущую машинку «Эрика», которую ответчик не возвратил. Стоимость пишущей машинки «Эрика» без учета износа оценена товарной экспертизой в 150 рублей. Из объяснений сторон установлено, что машинка была в эксплуатации значительное время, поэтому Суд считает необходимым снизить ее стоимость до 120 рублей, т. е. уценена на 20% с учетом амортизации. Руководствуясь статьей 151 ГК РСФСР и статьями 191-197 ГПК РСФСР Суд

РЕШИЛ:

Обязать Твердохлебова Андрея Николаевича передать Крючкову Николаю Николаевичу пишущую машинку «Эрика» стоимостью в 120 рублей. Взыскать с Твердохлебова Андрея Нияколаевича в пользу Крючкова Николая Никколаевича госпошлину в размере 2 рубля 40 копеек. Решение может быть обжаловано в течение 10 дней в Мосгорсуд через Народный суд.

Народный судья: *Филатов*

Народные заседатели: *Алешина, Гусев*

КАССАЦИОННАЯ ЖАЛОБА

В Московский городской суд
от Твердохлебова А. Н., проживающего
по адресу [...]
ответчика по гражданскому делу
№ 2-322/4 Калининского районного
народного суда города Москвы.

Калининский районный народный суд города Москвы 17 февраля сего года на основании статьи 151 ГК РСФСР вынес решение, обязывающее меня передать истцу Крючкову Н. Н. пишущую машинку марки «Эрика» стоимостью в 120 рублей.

Считаю, что Суд неправильно руководствовался статьей 151 ГК РСФСР, которая говорит о праве собственника истребовать свое имущество из чужого владения. Я не являюсь в настоящее время владельцем этой машинки и истребовать ее у меня бессмысленно (это обстоятельство было выяснено в судебном заседании и упоминается в тексте решения Суда). Суд должен был рассматривать это дело по статьям 217 и 219 ГК РСФСР о неисполнении обязательства вернуть индивидуально-определенную вещь и о моей обязанности возместить убытки в связи с неисполнением мною обяза-

тельства. Неправильная постановка рассмотрения привела к неправильному решению по существу. Дело в том, что на основании статьи 222 ГК РСФСР я не должен нести ответственность за неисполнение обязательств, если я не виноват. В кассационном рассмотрении я, как лицо, нарушившее обязательство, надеюсь доказать отсутствие своей вины.

Прошу Московский городской суд решение Калининского районного народного суда отменить и оставить иск Крючкова Н. Н. без рассмотрения до изменения обстоятельств, снимающих с меня вину за неисполнение обязательств.

23 февраля 1975 года

А. Твердохлебов

Приложение: марка госпошлины на сумму 1 руб. 20 коп.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МОСГОРСУДА

6 марта 1975 г. Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда в составе: председательствующего Михайловой В. И. и членов Остроухова М. М. и Панкратовой В. Б., заслушав в открытом судебном заседании по докладу Михайловой В. И. дело по кассационной жалобе Твердохлебова А. Н. на решение Калининского районного народного суда от 17 февраля 1975 г., которым постановлено обязать Твердохлебова Андрея Николаевича передать Крючкову Николаю Николаевичу пишущую машинку марки «Эрика» стоимостью 120 руб.,

УСТАНОВИЛА:

Крючков Н. Н. предъявил иск к Твердохлебову А. Н. о возврате пишущей машинки «Эрика» стоимостью в 150 руб. Истец указал, что в ноябре 1974 г. по просьбе ответчика передал ему во временное пользование пишущую машинку «Эрика». Ответчик обязался возвра-

тить машинку не позднее января 1975 г., но обязательства своего не выполнил, поэтому и был заявлен настоящий иск.

Народный суд иск удовлетворил.

В кассационной жалобе Твердохлебов А. Н. просит решение отменить.

Ознакомившись с делом и выслушав стороны, Судебная коллегия находит решение правильным, постановленным в соответствии с материалами дела и статьей 151 ГК РСФСР.

По делу с бесспорностью установлено, признавалось ответчиком и не оспаривается им в жалобе, что пишущую машинку он, действительно, взял во временное пользование у истца, не оспаривает ответчик и то, что пишущая машинка «Эрика» правильно оценена судом в 120 руб. В суде и в судебной коллегии ответчик иск признал. При таких данных доводы жалобы о том, что у ответчика в настоящее время нет в наличии взятой им во временное пользование машинки, не могут быть поводом к отмене решения.

Руководствуясь статьей 35 ГПК РСФСР, судебная коллегия

ОПРЕДЕЛИЛА:

Решение Калининского районного народного суда гор. Москвы от 17 февраля 1975 г. оставить без изменения, жалобу Твердохлебова А. Н. без удовлетворения.

Председательствующий *Михайлова В. И.*
Члены суда: [подписи]

ЗАЯВЛЕНИЕ Н. Н. КРЮЧКОВА ПРОКУРОРУ г. МОСКВЫ

23 декабря 1974 г. во время обыска у А. Н. Твердохлебова (Москва К-62, Лялин пер. дом. 12/5 кв. 1) органами КГБ была конфискована моя пишущая машинка

марки «Эрика» № 187502, которую я дал Твердохлебову 30 ноября 1974 г. Прошу вернуть мне машинку.

10 марта 1975 г.

Н. Крючков

НАДЗОРНАЯ ЖАЛОБА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ МОСГОРСУДА Л. Е. АЛМАЗОВУ

Я являюсь ответчиком по делу 2-322/4-75 Калининского районного народного суда г. Москвы. Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда в составе: председательствующий Михайлова В. И., члены Остроухов М. М. и Панкратова В. Б. — рассмотрела мою кассационную жалобу 6 марта 1975 г. и оставила ее без удовлетворения.

Суть дела. Я взял во временное пользование у истца пишущую машинку с обязательством вернуть ее по первому требованию. Свое обязательство я не выполнил по той причине, что эта пишущая машинка была у меня изъята органами КГБ против моей воли. В исковом заявлении истец требует обязать меня вернуть пишущую машинку. Суд первой инстанции своим решением иск удовлетворил, оценив стоимость машинки в 120 руб. Вышеуказанная судебная коллегия оставила это решение без изменения (смотри приложение 1).

Основания для протеста. 1. Неправильное применение статьи 151 ГК РСФСР, вместо подлежащих применению в данном случае статей 217, 219 и 222 (смотри приложение 2 — кассационная жалоба).

2. На заседании судебной коллегии 6 марта я ходатайствовал о приобщении к делу выписки из протокола обыска, свидетельствующей об изъятии пишущей машинки органами КГБ, и копии моей переписки с КГБ, свидетельствующих о моей попытке как можно быстрее вернуть машинку истцу (смотри приложение 3). В про-

цессе заседания мое ходатайство отклонено не было (в соответствии со статьей 291 ГПК РСФСР) и требования продемонстрировать суду имеющиеся у меня оригиналы этих документов также не было. А после зачитания определения, т. е. после окончания заседания, председательствующий Михайлова В. И. буквально выкинула указанные документы из дела, приговорив: «Заберите ваши незаверенные копии».

Если учесть, что ни один советский нотариус не заверит копии с документов, свидетельствующих о деятельности КГБ, то данное поведение председательствующего следует считать заслуживающим специального взыскания.

3. По существу дела ущерб, нанесенный органами КГБ, несправедливо возлагать на меня, во всяком случае до тех пор, пока я не буду признан в установленном законом порядке виновным в противозаконном использовании пишущей машинки, тем более несправедливо, что сами органы КГБ специально защищены от требования возмещения ущерба по суду статьей 447 ГК РСФСР.

Ходатайство. На основании изложенного и в соответствии со статьей 320 ГПК РСФСР ходатайствую о принесении протеста на обжалуемое Определение. Считаю, что правильным решением по данному делу будет, как то указано в моей кассационной жалобе, оставить иск без рассмотрения до изменения обстоятельств, снимающих с меня вину за нарушенное обязательство перед истцом. А именно, до того времени, когда, либо КГБ вернет пишущую машинку, либо я буду признан виновным в противозаконном ее использовании.

22 марта 1975 года

А. Твердохлебов

- Приложения: 1. Определение судебной коллегии Мосгорсуда от 6 марта 1975 года.¹⁾
2. Кассационная жалоба.²⁾
3. Выписка из протокола обыска.³⁾
4. Письмо в КГБ⁴⁾
5. Ответ из КГБ⁵⁾

ОТВЕТ ИЗ МОСГОРСУДА

Сообщаю, что Ваша жалоба на решение Калининского районного народного суда г. Москвы от 17. 2. 1975 г. по иску Крючкова Н. Н. к Вам о возврате пишущей машинки «Эрика» рассмотрена в порядке судебного надзора и отклонена как необоснованная.

Суд установил, что в ноябре 1974 г. вы взяли у Крючкова Н. Н. во временное пользование пишущую машинку «Эрика» и обязались возвратить ее по первому требованию истца, но своего обязательства не выполнили.

Указанная пишущая машинка оценена в 120 рублей.

Удовлетворяя иск о взыскании 120 рублей, Суд исходил из того, что вы не выполнили своего обязательства о возврате пишущей машинки по первому требованию истца.

Оснований к опротестованию решения не имеется.

Приложение на четырех листах.

Зам. председателя Московского Городского суда
М. Рязин

ЗАЯВЛЕНИЕ НА МАТЕРИАЛЬНУЮ ПОМОЩЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЦСПС А. ШЕЛЕПИНУ

В соответствии со статье 4, пункт «г» Устава профессиональных союзов СССР прошу вас оказать мне материальную помощь на сумму в 120 рублей.

1) См. стр. 113.

2) См. стр. 112.

3) См. текст протокола на стр. 66.

4) См. стр. 109.

5) См. стр. 109.

Я давно и активно интересуюсь проблемой прав человека, как в Советском Союзе, так и в других странах, проблемой, которая важна, в том числе и для профсоюзов. Из-за этого я и потерпел материальный ущерб (в 120 рублей оценил суд часть моих убытков от обысков, периодически производимых у меня органами Комитета государственной безопасности по причине моего активного интереса к проблеме прав человека).

Я обращаюсь непосредственно в высший орган профсоюзов СССР поскольку:

а) в права местного комитета не входит оказание материальной помощи *из средств профсоюза*, как то сказано в статье 4, пункт «г» Устава, на основании которой я испрашиваю материальную помощь. В «Положении о правах местного комитета профессионального союза», утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 сентября 1971 года, о материальной помощи упоминается только в статье 5, где говорится лишь об участии местного комитета в решениях администрации о выделении материальной помощи *из фонда материального поощрения предприятия*;

б) решение об оказании мне материальной помощи связано с толкованием статьи 4, пункт «г» Устава, где говорится, что материальная помощь из средств профсоюза выделяется в «необходимых случаях».

Я обращаюсь непосредственно и лично к Вам поскольку Вы ранее были членом профессионального союза работников Комитета государственной безопасности и как никто другой сможете правильно решить вопрос о применении статьи 4, пункт «г» Устава в моем случае.

23 февраля 1975 года

А. Твердохлебов

6. Общественное мнение в защиту благотворительности

ЗАЯВЛЕНИЕ А. Д. САХАРОВА

**В организацию «Международная Амнистия»
Генеральному секретарю Мартину Энналсу
и международной общественности**

Арестован секретарь группы «Международной Амнистии» в СССР Андрей Твердохлебов (Москва) и член группы Микола Руденко, писатель (Киев). Одновременно произведены обыски у председателя группы «Международной Амнистии» в СССР Валентина Турчина и члена группы Владимира Альбрехта. При обыске изъяты все документы, относящиеся к деятельности «Международной Амнистии». Ранее арестован член группы Сергей Ковалев. Эти действия органов государственной безопасности, направленные против «Международной Амнистии», представляют собой вызов международному общественному мнению и удар по законности, по демократическим и гуманным принципам, которых неизменно придерживается эта организация и члены ее группы в СССР. Во всем мире деятельность «Международной Амнистии» пользуется большим уважением и поддержкой. Тем большее возмущение вызывает преследование ее членов в нашей стране. Необходимы решительные и открытые действия международной общественности.

18 апреля 1975 г.

А. Сахаров

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ ЭМНИСТИ ИНТЕРНЕСНЛ

Сегодня, в субботу 19 апреля 1975 г., организация Эмнисти Интернешнл телеграфировала руководителю Советской Коммунистической Партии Леониду Брежневу, настаивая на немедленном освобождении из под ареста трех членов московской группы Эмнисти Интернешнл.

Два члена [этой группы], 35-летний физик Андрей Твердохлебов, секретарь группы, и Микола Руденко, украинский писатель, были арестованы вчера (в пятницу): Твердохлебов в Москве, по пути на работу в лабораторию испытания бетона, а Руденко в Киеве.

Третий член [группы], Сергей Ковалев, биолог, был арестован 28 декабря 1974 года и отправлен в Литву в связи с операцией КГБ, известной как «дело 345», направленной против самиздатского журнала «Хроника Литовской католической церкви». Известно, что он обвиняется по статье об «антисоветской агитации и пропаганде».

В сегодняшней телеграмме Генерального Секретаря Эмнисти Интернешнл Мартина Эннался Леониду Брежневу говорится:

«ЭМНИСТИ ИНТЕРНЕШНЛ СЕРЬЕЗНО ОЗАБОЧЕНА СООБЩЕНИЯМИ ОБ АРЕСТАХ ДВУХ ЧЛЕНОВ СОВЕТСКОЙ ГРУППЫ В МОСКВЕ И В КИЕВЕ, ПРОДОЛЖАЮЩИМСЯ СОДЕРЖАНИЕМ ПОД АРЕСТОМ СЕРГЕЯ КОВАЛЕВА И ОБЫСКАМИ В КВАРТИРАХ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ И ЕЩЕ ОДНОГО ЧЛЕНА ГРУППЫ. ЭМНИСТИ ИНТЕРНЕШНЛ ВНОВЬ ЗАВЕРЯЕТ, ЧТО ВСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОЙ ГРУППЫ НАХОДИТСЯ В СООТВЕТСТВИИ С СОВЕТСКОЙ ЗАКОННОСТЬЮ И ЧТО В СООТВЕТСТВИИ С УСТАВОМ ЭМНИСТИ ИНТЕРНЕШНЛ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГРУППЫ ПОСВЯЩЕНА ОСВОБОЖДЕНИЮ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ЗА ПРЕДЕЛАМИ СССР. ЭМНИСТИ ИНТЕРНЕШНЛ НАСТАИВАЕТ НА НЕМЕДЛЕННОМ ОСВОБОЖДЕНИИ СЕРГЕЯ КОВАЛЕВА, АНДРЕЯ ТВЕРДОХЛЕБОВА И МИКОЛЫ РУДЕНКО (подписано) МАРТИН ЭННАЛС».

Во вчерашнем сообщении из Москвы говорится, что сотрудники КГБ также произвели обыски в квартирах председателя группы Валентина Турчина, специалиста

по вычислительным машинам и математика Владимира Альбрехта, и изъяли в числе прочих документов материалы Эмнисти Интернешнл.

Группа Эмнисти Интернешнл в Москве (ее иногда ошибочно называют секцией Эмнисти Интернешнл, коей она не является) была признана Исполнительным комитетом Эмнисти Интернешнл в сентябре прошлого года. Заявление о членстве группы было принято после того как Мартин Энналс и два члена Исполнительного комитета — Дирк Боннер и Томас Хаммарберг, в настоящее время соответственно председатель и вице-председатель Исполнительного комитета — побывали в Москве и встретились с руководящими членами группы. Официальные представители Эмнисти Интернешнл получили заверения в том что заявители знакомы с деятельностью Эмнисти Интернешнл по правам человека и с ее правилом запрещающим группам заниматься заключенными в собственных странах.

Впоследствии группе были поручены три узника совести: один в Сри Ланка, один в Испании и один в Югославии в соответствии с традиционным политическим и географическим распределением работы по опеке [заключенных].

Однако, 16 января 1975 года Турчин сделал заявление иностранным корреспондентам в Москве, жалуясь на препятствия в получении почты: группа не получила ни одного из почтовых отправлений — даже отправления, содержащие дела трех порученных ей заключенных — которые были посланы ей из Лондонской штаб-квартиры Эмнисти Интернешнл в ноябре [1974 г.].

Турчин также заявил о том, что власти оказывают и иное давление на группу. Он упомянул тот факт, что Твердохлебов неоднократно вызывался на допросы и что в его квартире несколько раз производились обыски, а также факт ареста Ковалева и его отправление в Литву.

В сегодняшнем заявлении Эмнисти Интернешнл

вновь подчеркивается тот факт, что ни одной из ее групп не разрешается заниматься заключенными в собственных странах, действуя при этом в качестве членов Эмнисти Интернешнл.

«Все материалы, посланные группе не являются ни секретными, ни конфиденциальными, — говорится в заявлении. — Все посланные материалы были уже прежде, в той или иной форме, сделаны достоянием гласности. И ни один из них, по нашему мнению не мог бы поддержать обвинение Твердохлебова в «распространении клеветнических измышлений, порочащих советский государственный строй».

Все члены [нашей организации], арестованные и подвергшиеся преследованию в СССР являются законопослушными советскими гражданами, которые присоединились к Эмнисти Интернешнл движимые своим интересом к правам человека и своим желанием заниматься узниками совести во всем мире.

19 апреля 1975 г.

Эмнисти Интернешнл

ЗАЯВЛЕНИЕ 10-й ПО ПОВОДУ АРЕСТА ТВЕРДОХЛЕБОВА

В Москве органами КГБ арестован Андрей Твердохлебов. Мы знаем Твердохлебова как самоотверженного борца за права человека, соединяющего с бесстрашием глубокое милосердие, сочувствие к страданиям людей и готовность пойти на любые жертвы, чтобы помочь им. К Твердохлебову в любое время мог обратиться человек, столкнувшийся с равнодушием, жестокостью и цинизмом советской бюрократии. Будучи членом Комитета прав человека, Твердохлебов не раз защищал право еврейского народа на свободную репатриацию в Израиль. Твердохлебов — активный деятель пользующейся международным уважением организации «Эмнисти Интернешнл». Его арест поэтому нельзя расценивать иначе, чем пощечину международному общественному мнению.

Напоминаем, что по уставу этой организации ее члены защищают политзаключенных не в своей, а в чужих странах. Ясно, что те, кто арестовал Твердохлебова, не только не собираются облегчать участь своих политзаключенных, подвергающихся голоду, ежедневным издевательствам в лагерях и тюрьмах СССР, они преследуют даже тех, кто подобно Твердохлебову не по их команде, а по велению собственной совести помогает людям, страдающим за свои убеждения, за пределами СССР.

Мы призываем всех людей доброй воли выразить свое отношение к этой зловещей акции и потребовать немедленного освобождения Твердохлебова.

21 апреля 1975 г.

*Виталий Рубин
Владимир Слепак
Виктор Соколов
Анатолий Щаранский
Владимир Давыдов*

*Александр Луни
Йосиф Бейлин
Игорь Абрамович
Лидия Финкельштейн
Александр Гольдфарб*

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕССЕ И РАДИОСТАНЦИЯМ Би-Би-Си, НЕМЕЦКАЯ ВОЛНА, ГОЛОС АМЕРИКИ, СВОБОДА

18 апреля 1975 г. арестован Андрей Твердохлебов, секретарь советской группы Международной Амнистии, арестован Микола Руденко, член этой группы, произведен обыск у ее представителя Валентина Турчина, обыски еще у нескольких членов группы. На обысках изъяты, в частности, документы, относящиеся к деятельности Международной Амнистии.

Эти аресты и обыски — откровенно-бесстыдное нарушение основных прав человека.

Мы лично знаем Андрея Твердохлебова, знаем, что он не нарушал писанных советских законов.

Напротив, хорошо зная эти законы, он помогал советским людям, по отношению к которым они нару-

шались, помогал родственникам незаконно и несправедливо репрессированных, в частности, по религиозным мотивам, за попытки осуществить свое гарантированное законом право на свободу совести, свободу вероисповедания.

Андрей Твердохлебов выступал против уголовных преследований по идеологическим мотивам, против репрессий за осуществление права на свободу слова, свободу печати. В частности, он выступал с заявлениями против ареста В. Осипова в ноябре 1974 г., против ареста Сергея Ковалева в декабре 1974 г., с письмами в защиту истязаемого в спецпсихбольнице узника совести Леонида Плюща.

Андрей Твердохлебов проявляет постоянный интерес и глубокую озабоченность положением советских политзаключенных — узников совести. Именно он автор сборника об условиях в советских лагерях и тюрьмах.

Односясь с сочувствием к узникам совести за рубежом и пытаясь оказать им помощь, Андрей Твердохлебов стал членом Международной Амнистии, ее постоянным корреспондентом.

Деятельность Андрея Твердохлебова, свидетельствующая о его человечности и высокой нравственной позиции, явилась причиной постоянного внимания к нему органов государственной безопасности, причиной обысков и допросов, которым он подвергался, в частности, в последние месяцы.

И вот 9 апреля А. Твердохлебов выступает со своим последним заявлением:

«... Прошу вас не вызывать меня более в качестве свидетеля по делу № 38. На прежнем Вашем допросе в Москве я шел навстречу Вашим вопросам более, чем следовало, и нахожу его исчерпывающим в отношении моей роли свидетеля в этом деле. Если же, тем не менее, Вас он не удовлетворил, то это по той причине, что само дело № 38, по моему убеждению,

не допускает обвинительного заключения по делу В. Осипова.

Можете приобщить это мое письмо в качестве заявления об отказе от дачи показаний по указанной выше причине».

18 апреля Андрей Твердохлебов арестован.

Выражая возмущение арестами членов Международной Амнистии Андрея Твердохлебова, Миколы Руденко и Сергея Ковалева, наглой незаконностью этих акций, мы призываем гуманистические организации, людей, которым дороги человечность и справедливость — выступить в защиту Андрея Твердохлебова, Миколы Руденко и Сергея Ковалева!

20 апреля 1975 г.

*Т. С. Ходорович
М. Н. Ланда*

ОБРАЩЕНИЕ К ОБЩЕСТВЕННОСТИ ЗАПАДНЫХ СТРАН

Мы хотим предупредить общественность стран Запада, что репрессии против гуманитарных движений, планомерно осуществляемые советскими властями в последнее время — против Международной Амнистии, против религиозных деятелей, против инакомыслящих вообще — являются шагами в сторону скрытой конфронтации с Западом, укрепления тыла такой конфронтации. Окончательное подавление гуманитарных и этических движений в огромном централизованном государстве, в котором каждого гражданина обучили, что «повивальной бабкой истории является насилие», — может дорого обойтись не только нашему, но и другим народам мира.

Мы призываем вас попытаться понять то, от чего вам, возможно, хотелось бы отмахнуться:

что жестокая борьба за установление абсолютного идеологического единства в СССР имеет прямое отношение к вашему будущему.

21 апреля 1975 г.

Юрий Орлов
Валентин Турчин
Татьяна Ходорович

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР Н. В. ПОДГОРНОМУ

Советская группа Международной Амнистии решительно протестует против ареста секретаря группы Андрея Твердохлебова, члена группы Сергея Ковалева и против задержания члена группы Миколы Руденко, которому власти предложили выйти из Международной Амнистии: протестует также против обысков у членов группы, во время которых были изъяты архивы, относящиеся к деятельности группы. В частности, мы просим вернуть нам документы Амнистии, изъятые при обыске у председателя группы Валентина Турчина, а также архив, находящийся в опечатанном властями кабинете А. Твердохлебова. Эти материалы необходимы нам для нормального функционирования группы Международной Амнистии СССР.

В. Турчин
Ю. Орлов
В. Альбрехт
Б. Ланда
В. Войнович
В. Корнилов
В. Соколов
С. Желудков
Н. Белоозеров
В. Архангельский

